

Два лика января

Автор:

Патриция Хайсмит

Два лика января

Патриция Хайсмит

Честер Макфарланд – весьма обеспеченный человек, ему сорок два, недавно он женился на прелестной КоLETTE. И все бы хорошо, но махинации, которые Честер совершал с ценными бумагами, вскрылись, и ему вместе с молодой супругой пришлось пуститься в бега. Райделу Кинеру двадцать пять, он неблагодарный и даровитый сын гарвардского профессора, порвавший с семьей. Случайная встреча двух американцев в коридоре греческой гостиницы повлекла за собой целую череду непредсказуемых и трагических событий...

Патриция Хайсмит

Два лика января

Patricia Highsmith

THE TWO FACES OF JANUARY

First published in 1964

Copyright © 1993 by Diogenes Verlag AG Zürich

All rights reserved

© А. Васильев, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА

1

Честер Макфарланд проснулся в половине четвертого глубокой январской ночью от тревожного звука, похожего на скрежет. Он приподнялся на койке и посмотрел в иллюминатор. Вдоль самого борта проплывала залитая ярким светом красновато-оранжевая стена. Первой мыслью было: «Сан-Джиминьяно» задело другое судно. Честер встал, перегнулся через койку жены и выглянул в иллюминатор. Стена оказалась отвесной скалой, на которой различались выбитые и нацарапанные надписи и даты. «Нико 1957», – прочел он. «Б. Муссолини». И следом явно американское: «Пит-60».

Зазвенел будильник. Честер нашарил его на полу, опрокинув при этом бутылку виски, и нажал кнопку – будильник замолчал. Затем потянулся за халатом.

– Что случилось, дорогой? – сонным голосом спросила Колетта.

– Кажется, мы проходим Коринфский канал, – ответил Честер. – Хотя впечатление такое, будто мы подошли вплотную к другому судну. Сейчас половина четвертого, так что, скорее всего, это канал. Посмотрим с палубы?

– Ну нет, – пробормотала Колетта и плотнее укуталась в одеяло. – Ты мне потом обо всем расскажешь.

Честер улыбнулся и поцеловал ее в теплую щеку.

– Я только на минуту.

Выйдя на палубу, он столкнулся с офицером, от которого накануне узнал, что судно будет проходить канал в три тридцать ночи.

– Si-si-si. Il canale, signor[1 - Да-да-да. Канал, синьор (ит.)], – кивнул офицер.

– Благодарю.

Макфарланд почувствовал, как его охватывает приятное возбуждение, азарт приключений. Он выпрямился, сжимая руками леера, и подставил лицо холодному ветру. Кроме него, на палубе никого не было.

Стены канала достигали высоты четырехэтажного дома. Честер перегнулся через леера, пытаясь определить длину канала, но со стороны носа и кормы все было окутано непроницаемой мглой. На карте Греции канал занимал всего полдюйма – это приблизительно четыре мили. «Путь водный, рукотворный». Честер улыбнулся случайной рифме. Он увидел следы кирки и отбойного молотка, оставшиеся на красновато-оранжевом камне или затвердевшей глине. Затем поднял глаза вверх, где стена канала переходила в темноту, и перевел взгляд на звезды, мерцавшие в небе Греции. Скорее всего, через несколько часов он увидит Афины. Честеру не хотелось уходить. Он мог накинуть пальто и провести на палубе остаток ночи, пока судно, пройдя Эгейское море, не пришвартуется в Пирее. Но тогда днем он будет чувствовать себя разбитым. Постояв еще несколько минут, Честер вернулся в каюту и лег в постель.

Спустя пять часов «Сан-Джиминьяно» вошел в Пирей. Макфарланду пришлось пробираться к леерам сквозь шумную толпу пассажиров и поднявшихся на борт носильщиков. В ожидании, когда большинство людей сойдет на берег, он без спешки позавтракал в каюте. Но, судя по толчее на палубе и в коридорах, высадка еще не начиналась. Над Пиреем, городом и портом, висело облако пыли, заслоняя, к досаде Честера, лежавшие в отдалении Афины. Он закурил и принялся разглядывать стоявших на пирсе или суетливо сновавших по нему людей. В основном это были одетые в синюю форму носильщики. Несколько субъектов в потертых пальто прохаживались взад-вперед, с озабоченным видом поглядывая на судно. «Они больше похожи на менял или таксистов, чем на полицейских», – подумал Честер. Его глаза внимательно оглядывали всю пристань. Нет, вряд ли кто-либо из полиции поджидал его. Сходни опущены, и

при необходимости его давно бы уже взяли на борту, вместо того чтобы дожидаться на пирсе. Это уж точно. Честер кашлянул и затаился. Оглянувшись, он увидел Колетту.

- Греция? - улыбнулась она.

- Да. - Честер взял ее руку. Колетта крепко сжала его пальцы. - Надо поискать носильщика. Чемоданы собраны?

Она кивнула:

- Я попросила Альфонсо вынести их.

- Ты дала ему чаевые?

- Да, две тысячи лир. Этого достаточно?

Она глядела на мужа большими, широко раскрытыми темно-синими глазами. Взмахнув длинными рыжеватыми ресницами, Колетта подавила рвавшийся из ее груди смех счастья и любви.

- Ты считаешь, двух тысяч достаточно?

- Вполне, дорогая. - Честер поцеловал ее в губы.

Появился Альфонсо. Он принес половину чемоданов, поставил их на палубу и вскоре вернулся с остальными. Макфарланд помог ему перенести чемоданы по сходням на пирс, где трое или четверо носильщиков затеяли перепалку из-за их багажа.

- Подождите! Пожалуйста, подождите! - вмешался Честер. - Я еще не обменял деньги.

Он помахал дорожной чековой книжкой и торопливо направился к пункту обмена, находившемуся у входа на пирс. Честер поменял двадцать долларов.

– Прошу вас, прекратите. – Колетта строго постучала по чемодану.

Носильщики замолчали, отступили назад и стали ждать, заискивающе поглядывая на нее.

КоLETTE – это имя она взяла себе взамен Элизабет, когда ей исполнилось четырнадцать, – было двадцать пять, рост пять футов три дюйма. У нее были рыжеватые волосы, пухлые губы, прямой нос, слегка покрытый веснушками, и необычные темно-синие, с поволокой глаза, большие, широко открытые, как у пытливого, любознательного ребенка. Взгляд таких глаз действовал на мужчин магически, делая их податливыми, точно воск. Конечно, со стороны Коlette не обходилось без определенной доли наигранности и кокетства, тем не менее мужчины, особенно немолодые, такие как Честер, принимали ее игру всерьез, мысленно говоря себе: «Кажется, она в меня влюблена. Возможно ли это?» Для большинства женщин Коlette с ее кокетством казалась слишком наивной, чтобы представлять опасность, – благо для Коlette! – ведь женщины всегда ревнивы к чужой привлекательности. Коlette была замужем за Честером чуть больше года. Они познакомились благодаря объявлению, которое он поместил в «Таймс» в поиске секретарши и стенографистки. Коlette хватило двух дней, чтобы понять: бизнес Честера не совсем чист. Что за биржевой маклер, который ведет свои дела не из офиса, а из квартиры! Да и был ли он зарегистрирован на бирже? Но как бы то ни было, Честер несомненно обладал обаянием и, что немаловажно, никогда не испытывал финансовых затруднений – явное свидетельство того, что дела у него шли неплохо. Для него это был второй брак. Его первая жена, с которой Честер прожил восемь лет, умерла от рака за два года до того, как он встретил Коlette. Макфарланду уже минуло сорок два, но он сохранил привлекательность, несмотря на легкую проседь на висках и наметившийся животик. Впрочем, Коlette тоже была расположена к полноте и поэтому соблюдала диету. Она умела составлять меню так, что пища была одновременно вкусной и не слишком калорийной.

– Ну вот, теперь можно ехать. – Честер помахал пачкой денег. – Дорогая, возьми такси.

Из полудюжины такси, стоявших поблизости, Коlette выбрала то, у водителя которого была дружелюбная улыбка. Трое носильщиков погрузили их багаж: семь чемоданов, два из которых укрепили на крыше, – и машина направилась в сторону Афин.

По дороге Честер разглядывал Парфенон и другие достопримечательности, выделявшиеся на фоне бледно-голубого неба. Неожиданно в его воображении возник Воки-ка, большая, громоздкая велосипедная коляска, красного цвета, с хромированными деталями и уродливым чашевидным безопасным сиденьем. Честер поморщился. Какая глупость, какой бессмысленный идиотический риск! То же говорила и Колетта. Она страшно рассердилась, когда обо всем узнала, и была права.

История заключалась в следующем. В небольшой типографии, в которой Макфарланд заказал отпечатать визитки, он заметил стопку буклетов, рекламировавших Воки-ка. В каждом имелась фотография, описание и цена – 12 долларов 95 центов, а внизу отрывной купон. Хозяин типографии, когда Честер спросил у него о буклетах, объяснил, что компания обанкротилась прежде, чем успела оплатить свой заказ. Нет, он не станет возражать, если Макфарланд возьмет себе несколько буклетов, которые уже пора выбросить. Честер сказал, что хочет ради смеха разослать буклеты своим друзьям. Поначалу он так и собирался поступить, но потом, движимый корыстью, тщеславием или просто желанием пошутить, воспользовался купонами и организовал сбор заказов на эти чертовы штуковины. Обивая пороги квартир и расхваливая товар, Честер умудрился найти немало покупателей, главным образом среди жителей Бронкса, выручив более восьмисот долларов. Все испортила досадная случайность. В вестибюле дома на Манхэттене, где Честер снимал квартиру, он столкнулся с одним из незадачливых покупателей как раз в тот момент, когда открывал свой почтовый ящик. Покупатель пожаловался, что ему до сих пор не доставили Воки-ка, хотя прошло уже два месяца, как он оплатил заказ. То же случилось и с его соседями. А когда подобная история приключается хотя бы с двумя знакомыми людьми, они объединяются в стремлении что-то предпринять. Это Макфарланд знал по собственному опыту. Поэтому, когда тот человек внимательно прочитал на почтовом ящике его имя, Честер понял, что пришло время уносить ноги. Можно было, как обычно, сменив фамилию, переехать на другую квартиру, но на этот раз он решил, что благоразумнее уехать на время за границу.

Колетта давно хотела побывать в Европе, и они собирались провести там отпуск весной. Но история с буклетами заставила их переменить планы и отправиться в поездку на четыре месяца раньше. Они вылетели из Нью-Йорка в декабре. Честеру, разумеется, порядком досталось от Колетты за предпринятую авантюру. Но особенно она сердилась из-за того, что они вынуждены ехать зимой, не в самое удачное время для путешествий. Стараясь задобрить жену, Честер купил ей норковое манто, комплект чемоданов и готов был сделать все от него зависящее, чтобы поездка доставила Коlette максимальное

удовольствие. Колетта никогда прежде не бывала в Европе. Ей очень понравился Лондон, причем, к удивлению Честера, больше, чем Париж, где оказалось слишком дождливо. Макфарланд схватил насморк. Всякий раз, когда у него промокали ноги или капли дождя затекали за воротник, Честер с раздражением вспоминал о своих буклетах. Он понимал, что из-за этой глупой истории, не принесшей ему больших денег, Говард Чивер – под этим именем он снимал квартиру в Нью-Йорке – мог оказаться под следствием. Это означало бы конец полудюжины компаний, махинации с акциями которых обеспечивали Честеру приличное существование. В Европе он чувствовал себя лишь в относительной безопасности. За Честером Макфарландом – его настоящее имя, которое он сменил пятнадцать лет назад, – числилась среди прочего афера с почтовыми переводами. Вину Честера отягощало то, что он использовал в корыстных целях государственное учреждение – почтовое ведомство. Подобный вид преступления считается достаточным основанием, чтобы потребовать экстрадиции. Но даже если полиция и сумеет установить связь между Чивером и Макфарландом, сомнительно, чтобы на его поиски отрядили специального агента.

Водитель такси, не оборачиваясь, сказал что-то по-гречески.

– Простите? – не понял Честер. – Главная площадь. Центр города. О'кей?

– «Гранд-Бретань»? – спросил водитель.

– Не знаю. Я еще не решил. – Честер пожал плечами. Вероятно, «Гранд-Бретань» – самая фешенебельная гостиница в Афинах. Но именно поэтому Честеру не хотелось в ней останавливаться. – Надо посмотреть.

Строгий, сияющий белизной фасад отеля «Гранд-Бретань» контрастировал с менее высокими и не столь тщательно ухоженными зданиями контор и магазинов, окружавших со всех сторон площадь Конституции. Исключение составляло здание правительства, стоявшее справа. Перед ним на флагштоке развевался греческий флаг, а возле ворот застыли в карауле два солдата в юбках и белых чулках.

– Может, нам лучше остановиться в той гостинице? – спросил Честер, показывая на «Кингз-палас». – На вид довольно приличная. Как ты считаешь, дорогая?

– Хорошо, – согласилась Колетта.

Гостиница «Кингз-палас» располагалась на той же стороне площади, что и «Гранд-Бретань». Из дверей отеля выскочил посыльный, одетый в красную куртку и черные брюки, и помог занести багаж. Вестибюль производил хорошее впечатление. Конечно, не люкс, но первый класс – точно. Под ногами пружинил ворсистый ковер; в помещении тепло, следовательно, центральное отопление работало исправно.

– Для вас забронирован номер? – осведомился портье.

– Нет. Но мы хотели бы снять номер с ванной и красивым видом из окна, – улыбнулся Честер.

– Хорошо, сэр. – Портье нажал кнопку звонка и вручил прибежавшему коридорному, также одетому в униформу, ключ. – Проводи в шестьсот двадцать первый. Позвольте ваши паспорта. Вы сможете их забрать, когда спуститесь.

Честер взял паспорт Колетты, который она вынула из красной кожаной сумочки, достал из внутреннего кармана свой и протянул портье. Всякий раз, когда у него спрашивали паспорт, будь то портье или служащий пограничного контроля, он чувствовал себя так, словно был на приеме у врача и его просили раздеться. Честер Критон Макфарланд; рост 5 футов 11 дюймов; родился в 1922 году в Сакраменто, штат Калифорния; особых примет нет; женат на Элизабет Толбот Макфарланд. Это было равносильно ощущению собственной наготы. Но хуже всего – фотография, совершенно нетипичная для паспорта, точно передающая сходство: редящие каштановые волосы, волевой подбородок, правильной формы нос, усы, плотно сжатые тонкие губы. Фотография не давала представления лишь о цвете голубых внимательных глаз и болезненном румянце щек. Каждый раз, протягивая паспорт, Честер думал об одном: а что, если портье или пограничнику уже показывали его фото и просили быть настороже?

Это время дня в «Кингз-палас» было довольно напряженным, и потому портье, не раскрывая, отложил их документы в сторону.

Спустя несколько минут Макфарланды уже осваивали просторный теплый номер с видом на белый фасад «Гранд-Бретани», с балконами, украшенными геранями.

Шестью этажами ниже пролежала, как Честер определил по карте города, улица Вензелоса. Было десять часов утра. День только начинался.

2

В это время на четвертом этаже дешевой гостиницы «Мельхиор Кондилис», расположенной на улице Криезотиса, в обиходе именуемой улицей Яна Смэтса, молодой американец по имени Райдел Кинер нажимал кнопку вызова лифта. Худощавый, темноволосый, неторопливый в движениях, с карими внимательными глазами и задумчивым лицом, словно его мысли были отягощены вселенскими проблемами, он выглядел спокойным и невозмутимым, как человек, которого ничто не может вывести из равновесия. Его подчеркнутая независимость, часто принимаемая другими за высокомерие, мало вязалась с потрепанным пальто и стоптанными туфлями. Однако держался он настолько уверенно, что на его одежду окружающие обращали внимание в последнюю очередь.

Каждый раз, вызывая лифт, можно было заключать пари: придет лифт или нет. И каждое утро Кинер загадывал: если лифт придет, то он завтракает в таверне Дионисия, на улице, где живет Нико; если нет, то покупает газету и отправляется в кафе «Бразилия». Газета в этой игре существенной роли не играла: Райдел ежедневно покупал четыре газеты. Но в таверне Дионисия он знал многих завсегдатаев, и время проходило незаметно за разговорами. А в кафе «Бразилия», которое ему нравилось больше, он никого не знал и потому, чтобы скоротать время, брал с собой газету.

Кинер терпеливо ждал, прохаживаясь по потертому коврику, лежавшему перед дверью лифта. Ни единый звук наверху или внизу не указывал, что кто-нибудь обратил внимание на его звонок. Райдел вздохнул, расправил плечи и с серьезным видом уставился на тусклый сельский пейзаж на картине, висевшей напротив лифта. Даже самый бездарный художник не написал бы холмы и небо настолько темными, что они буквально сливались. Очевидно, за долгие годы, пока картина висела на стене, она собрала достаточно пыли и копоти, впитала дыхание многочисленных постояльцев: греков, французов, итальянцев, югославов, русских, американцев и других, что проходили мимо нее по коридору. Грязновато-желтые спины двух овец были самыми яркими пятнами во

всем пейзаже.

Лифт, как и следовало ожидать, не приходил. Райдел мог позвонить еще. В конце концов, если быть настойчивым, его, возможно, и обслужат. Но теперь это уже не имело значения. Игра закончена: он идет завтракать в кафе «Бразилия». Кинер начал неторопливо спускаться по лестнице. В конце лестничного пролета в ковровой дорожке зияли две дыры, каждая с фут шириной. Споткнувшись, можно было налететь на цементную вазу, имитировавшую образец III века до н. э., которая стояла на литой металлической подставке в викторианском стиле, на небольшой площадке между этажами. Райдел проследовал мимо большого, десять футов в ширину, зеркала, мимо засохшего папоротника и еще одной картины и спустился на площадку следующего этажа. Возле лифта стояла высокая худая женщина в твидовом костюме, не столько придававшая ей мужественности, сколько делавшая ее фигуру бесполой. Своеобразное воплощение строгого английского стиля двадцатых годов. Она уверенно нажала кнопку вызова лифта и посмотрела на Райдела холодными зеленоватыми глазами. Он ответил ей взглядом более долгим, чем тот, каким обычно обмениваются в коридоре гостиницы с незнакомым человеком. Для Кинера это была очередная игра, для которой гостиница «Мельхиор Кондилис» представляла собой идеальное место. Игра называлась «Приключение» и заключалась в том, чтобы встретить кого-то, не важно, мужчину или женщину, с кем Райдела свяжет что-то необычное. В тот момент, когда его глаза встречались с глазами незнакомого человека, он искал в них знак: либо оба почувствуют магическую связь, ощущение чего-то общего и заговорят так, будто давно знают друг друга, либо между ними ничего не произойдет и они разойдутся. Женщина у лифта имела приятную внешность, в ней было что-то особенное, однако глаза ее оставались холодными и чужими.

В гостинице «Мельхиор Кондилис» можно было встретить немало интересных и необычных постояльцев. Американцы останавливались в ней редко, считая слишком дешевой, зато было много представителей самых разных национальностей. Сейчас в отеле проживали два индуса, пожилая чета из Франции, а также студент из России, с которым Райдел пытался поболтать на русском. Однако тот держался настороженно, и их знакомство продолжения не имело. В прошлом месяце здесь останавливался эскимос, путешествовавший с американским океанографом. Оба с Аляски. Кроме того, в гостинице проживало несколько турок и югославов. Было забавно сознавать, что в самых разных местах, разбросанных по всему свету, те, кому довелось останавливаться в гостинице «Мельхиор Кондилис», упоминали о ней на множестве языков, а возможно, и рекомендовали своим знакомым – исключительно за дешевизну – в

качестве места, где можно остановиться в Афинах. Обслуживание здесь было скверным, из того, что обещалось, мало что исполнялось в действительности. Коридоры и лестницы имели бутафорский вид и напоминали Райделу театральную сцену, когда уже расставлен реквизит и вот-вот появится первый актер. Ни один предмет в номерах – а Райдел был в трех из них, – в коридорах или в вестибюле не находился в должном порядке. Всюду царил бардак центральноевропейской конюшни.

Спустившись на первый этаж, Райдел увидел лифтера, который совмещал обязанности носильщика. Он сидел на деревянной скамейке у двери и, ковыряя в носу, читал газету.

– Доброе утро, мистер Кинер, – приветствовал молодого американца портье, мужчина с черными усами, одетый в поношенную серую униформу.

– Доброе утро, Макс. Как дела? – Райдел положил свой ключ на конторку.

– Лотерейный билет не желаете? – Портье вопросительно улыбнулся.

– Не думаю, что сегодня у меня легкая рука. В другой раз, – ответил Райдел и вышел.

Он сразу повернул направо и зашагал в сторону площади Конституции, к «Америкен экспресс». Сегодня среда, и наверняка его ожидало письмо. Кинер получал примерно два письма в неделю. Ни в понедельник, ни во вторник он за почтой не ходил. Райдел решил зайти за корреспонденцией после полудня. Он купил вчерашнюю лондонскую «Дейли экспресс», утреннюю афинскую газету и приветливо помахал Нико, который переминался с ноги на ногу, шаркая теннисными туфлями, возле дорожного агентства «Америкен экспресс». Увешанный губками Нико казался облаченным в бежевую шубу.

– Лотерея! – крикнул Нико и помахал пачкой билетов.

Райдел покачал головой.

– В другой раз, – ответил он громко по-гречески и улыбнулся. – Очевидно, сегодня День лотереи.

Райдел вошел в кафе «Бразилия» и поднялся по лестнице на второй этаж, где размещался бар. Здесь можно было позавтракать, заказав капучино с пончиком. Газетные новости не содержали ничего интересного: небольшое железнодорожное крушение в Италии да бракоразводный процесс какой-то знаменитости. Райдел предпочитал криминальную хронику, истории об убийствах, особенно в Англии. После кофе он выкурил три «папистратос», и, когда поднялся из-за столика, на его часах было начало одиннадцатого. В оставшееся до полудня время Райдел собирался побродить по Национальному археологическому музею, зайти в галантерейную лавку на улице Стадиу, чтобы выбрать подарок для Пэна, к которому был приглашен в субботу на день рождения, затем в полдень пообедать в ресторане гостиницы и остаток дня поработать над стихами. Пэн предлагал вечером сходить в кино, однако не сказал, в котором часу, и Райдел отнесся к этому предложению всерьез.

Небо заволокло. Судя по всему, собирался дождь. В афинской газете сообщалось об осадках. Райдел любил во время дождя уединяться в номере и сочинять стихи. Решив не дожидаться полудня и зайти за почтой сейчас, он свернул в переулок, который вывел его на улицу, пролежавшую рядом с площадью Конституции. Здесь размещалось почтовое отделение «Америкен экспресс».

Письмо оказалось от его сестры Марты из Вашингтона. «Наверняка очередной легкий разнос», – подумал Райдел. Однако письмо содержало извинения за «неоправданную резкость», которая содержалась в предыдущем письме. Тогда, в начале декабря, умер их отец, и Кенни, брат Райдела, за два дня до похорон известил его телеграммой. Кинер мог вернуться домой, но не сделал этого. У отца случился обширный инфаркт, и спустя четыре часа он скончался. Райдел почти сутки колебался и наконец телеграфировал Кенни в Кембридж, что потрясен известием и выражает ему и всем родным свою любовь и сочувствие. Он ни словом не обмолвился о том, что не приедет, но это было очевидно и так. Кенни с тех пор ему не писал. Зато пришло письмо от Марты. Она укоряла Райдела: «Наша семья очень мала. Только ты, я да Кенни, не считая его жены и детей. Думаю, тебе следовало сделать все возможное, чтобы в такой час быть с нами. В конце концов, это твой отец. Я не могу поверить, что совесть превратилась для тебя в пустой звук. Неужели ты собираешься и дальше носиться со своей обидой? Даже теперь, когда отца нет? Поверь, ты приобрел бы куда больше, если бы унял свое самолюбие, приехал и поделил с нами горечь утраты». Райдел помнил письмо почти наизусть, хотя и выбросил его, как только прочел. На этот раз сестра писала, что поняла, как нелегко ему забыть обиду, которую она «всегда считала достаточно основательной». «Но не отчаивайся, – писала Марта, – если не сможешь найти в себе силы простить. Когда-то ты

говорил, что ненависть и обида бесплодны. Надеюсь, ты думаешь так же и сейчас, находя в этом некоторое утешение. Как бы то ни было, но мне приятно сознавать, что ты не в Риме, а в Афинах... Когда собираешься вернуться?»

Кинер убрал письмо в карман пальто. Выйдя из офиса «Америкен экспресс», он снова свернул в переулок. Райдел не собирался надолго задерживаться в Афинах. Настанет день, когда он слетает на Крит, осмотрит Кносский дворец и Музей античности в Ираклионе, после чего вернется домой. Там уже можно будет подумать о работе в какой-нибудь юридической фирме в Нью-Йорке, как Райдел и собирался до отъезда в Европу. У него оставалось примерно восемьсот долларов и немного мелочи. Малая часть от тех десяти тысяч, на которые он жил последние два года. Деньги эти Райдел получил в наследство от бабушки, единственной в семье, кто поддержал его во время ссоры с отцом. Она умерла, когда Райделу было двадцать три. В тот год он служил в армии. Райдел недолго раздумывал, как распорядиться наследством. Он решил уехать в Европу и оставаться там до тех пор, пока деньги не закончатся. Отец хотел, чтобы Райдел сразу же приступил к работе, и даже подыскал ему место младшего клерка в юридической фирме «Вилер, Хутон и Клайв» на Мэдисон-авеню – он был знаком с Вилером. Но Райделу не хотелось начинать карьеру в фирме, хоть как-то связанной с отцом. «Ты сильно запоздал», – говорил ему отец, имея в виду главным образом то, что Райдел окончил юридическое отделение Йельского университета лишь в двадцать два, что было определенным отставанием от остальных Кинеров, необычайно одаренных и всегда опережавших своих сверстников в учебе. Сказалось то, что отец на два года упек его в исправительную школу. Райдел поступил в Йель, лишь когда ему исполнилось девятнадцать. В этом возрасте отец уже заканчивал Гарвард. В двадцать лет получил диплом Кенни. Также в двадцать Марта окончила Рэдклиф. Все защитили степень бакалавра. Все, кроме Райдела.

Очнувшись от воспоминаний, он обнаружил, что стоит перед стеклянной дверью кафе «Бразилия». Вспомнив, что уже был здесь, Райдел отправился дальше, высматривая Нико. Так и быть, он купит сегодня у него пару лотерейных билетов. Тот по-прежнему топтался, шаркая теннисными туфлями. Из-за костных мозолей на ногах эти туфли были единственной обувью, которую он мог носить. Райдел улыбнулся, глядя, как Нико подскочил к хорошо одетому господину, только что вышедшему из дорожного агентства «Америкен экспресс».

– Что-нибудь желать, сэр? Лотерейный билеты? Губки?

И тут Райдел замер от неожиданности. Человек, к которому обратился Нико, был удивительно похож на отца. Такие же голубые глаза, крупный нос и усы. Разве только более плотного телосложения и розовощекий. На вид лет сорок. Сходство было столь поразительным, что Райдела так и подмывало подойти и спросить, не связаны ли они родством? Вполне возможно, его фамилия тоже Кинер. У семьи Райдела было несколько дальних родственников в Англии. Может, этот человек англичанин? Хотя, судя по одежде, он американец. Мужчина запрокинул голову и рассмеялся. Его смех был столь заразительным, что Райдел, не выдержав, улыбнулся. Рука Нико юркнула обратно под губки, и Райдел успел заметить на его ладони что-то ослепительно-белое, явно жемчуг. Розовощекий человек в темном пальто отказался от всего, что предлагал ему Нико, и купил лишь губку. Райдел следил за ним, стоя на углу возле газетного киоска. Мужчина расплатился с Нико, помахал на прощание рукой и, громко сказав: «Счастливо!» – продолжил путь.

Райдел глядел не отрываясь. Мужчина направился в его сторону. Он шел широкими шагами, в точности как отец. Из кармана пальто торчала губка, в левой руке, судя по новенькой голубой обложке, путеводитель. Мужчина скользнул по Райделу рассеянным взглядом и, проходя мимо, посмотрел снова, внимательно и испытующе. Райдел встретился с ним глазами. Теперь это уже не было игрой. Он не искал знака. Райдел был ошеломлен сходством незнакомца с отцом. Мужчина отвернулся, и Кинер неспешно направился за ним. Пройдя немного, незнакомец обернулся, посмотрел на Райдела и зашагал быстрее. Переходя улицу Венизелоса, он замедлил шаг перед приближающимся автомобилем, явно желая показать, что не спешит.

Гостиница «Гранд-Бретань» осталась позади, хотя Райдел полагал, что мужчина направляется именно туда. Кинер по-прежнему старался не потерять незнакомца из виду, однако интерес его мало-помалу угас. Что из того, даже если это один из его английских родственников? Мужчина вошел в гостиницу «Кингз-палас», вход в которую был с угла. В дверях он снова оглянулся. Райдел не был уверен, заметил ли тот его. Но этот последний брошенный назад тревожный взгляд усилил подозрение Райдела, что незнакомец чего-то опасается. Но чего?

Кинер вернулся назад и купил у Нико пару лотерейных билетов.

– Кто тот человек? – спросил Райдел.

– Какой? – Нико улыбнулся, обнажив металлическую коронку рядом со щербинкой.

– Американец, который только что купил губку.

– А-а... Не знаю. Первый раз видеть. Хороший малый. Дать сверху двадцать драхм.

Нико переступил с ноги на ногу. Губки на нем закачались. Большие грязновато-белые теннисные туфли – единственное, что было видно из-под свисающих губок, – поочередно медленно поднялись и опустились, как ноги беспокойного слона.

– Зачем спрашиваешь?

– Не знаю.

– Хорошая капуста, – рассмеялся Нико.

Райдел улыбнулся. Это он научил его слову «капуста» и еще многим другим словам и выражениям, обозначающим на жаргоне деньги, которые Нико страшно интересовали.

– Ну а бирюльки ты ему сплавить не смог?

– Плавить?

Нико знал слово «бирюльки», но не знал, что означает «сплавить».

– Не смог продать украшения?

– А-а-а! – Нико покачал едва различимой под губками рукой и неожиданно смутился. – Он считать, это дорого.

– Что именно?

– Жемчуг.

Нико бросил беглый взгляд вокруг и выпростал руку. На широкой грязной ладони лежал браслет – две нитки жемчуга.

Райдел кивнул, и жемчуг исчез под губками.

– Сколько?

– Тебе за четыреста долларов.

– Ого! – непроизвольно вырвалось у Райдела, хотя цена соответствовала товару. – Желаю удачи с богатым американцем.

– Он вернется, – уверенно сказал Нико.

«Наверное, Нико прав», – подумал Райдел. Нико с детства занимался скупкой и перепродажей краденого и имел чутье на людей. У Райдела осталось двойственное впечатление от розовощекого американца. На первый взгляд добродушный, общительный. Таким он выглядел, пока разговаривал с Нико. Однако... По дороге в гостиницу, когда незнакомец оглянулся на Райдела, в его внешности появилось что-то вороватое. Такой наверняка вернется и купит у Нико браслет. Разве станет порядочный человек или, по крайней мере, законопослушный обыватель покупать жемчуг у уличного торговца губками? Скорее всего, это какой-нибудь мошенник. Райдел улыбнулся. Забавное сочетание: мошенник, внешне похожий на его отца, профессора Лоуренса Олдингтона Кинера, преподававшего на кафедре археологии в Гарварде, который никогда даже в мыслях не помышлял о чем-нибудь противозаконном.

Прошло три дня, прежде чем Кинер снова увидел розовощекого американца. Райдел почти забыл о нем, полагая, что тот уже уехал. И вдруг неожиданно столкнулся с ним в Музее Бенаки в экспозиции костюма. С ним была молодая женщина, нарядно одетая американка. Судя по тому, с какой заботой и вниманием мужчина поддерживал свою спутницу за локоть, как оживленно болтал, пока она с явным интересом разглядывала выставленные в витринах вышитые юбки и сорочки, Райдел сделал вывод, что они либо молодожены, либо любовники. Мужчина держал шляпу в руке, и теперь можно было рассмотреть его более внимательно. В самом деле, сходство с отцом было необычайным.

Такой же высокий затылок, так же зачесаны волосы на висках, напоминая контур берега во время отлива. Голос густой, с сипотцой, но чуть резче, чем у отца. Смех отрывистый. Неожиданно женщина повернулась и бросила взгляд в сторону Райдела. Сердце его замерло на мгновение, затем учащенно забилось. Он смутился, отвел глаза и встретился взглядом с ее спутником. Тот посмотрел оторопело и слегка нахмурился. Райдел отвернулся к витрине, в которой были выставлены украшенные драгоценными камнями кривые турецкие сабли и кинжалы.

Минуту спустя мужчина и женщина ушли. Розовощекий американец наверняка решил, что Кинер за ним шпионит. Райдел досадовал на собственную неловкость. Он уже собирался пойти в гостиницу «Кингз-палас», дожидаться там этого человека и объяснить, что ничего дурного против него не замышляет и что ни в этот, ни в прошлый раз за ним не следил. Но затем передумал, посчитав такую затею глупой и неуместной. Райдел вышел из музея, и тут внезапно его охватило щемящее чувство тоски и смутной тревоги. Он понял, что именно поразило его в молодой женщине, пробудив столько забытых чувств. Сердце отозвалось раньше, чем память. У нее было такое же пухленькое тело, те же милость и обаяние, как и у его кузины Агнес в пятнадцать.

– Сукин сын, – выругался Райдел, шагая по мостовой. – Сукин сын, – повторил он, ни к кому не обращаясь и никого конкретно не имея в виду.

Впрочем, у Агнес глаза карие, а у этой женщины синие. Волосы у кузины темно-каштановые, а у этой – рыжеватые. Тем не менее в обеих было что-то неуловимо одинаковое. Губы? Возможно. Но главным образом – глаза, их кокетливое выражение. С тех пор на такие уловки Райдел не попадался. Но ничего подобного он ни у кого и не встречал. Чудная парочка. Мужчина, выглядевший как двойник отца, в обществе женщины, напоминавшей Агнес. Воспоминание о кузине пронеслось в его сознании словно вспышка молнии и полоснуло по сердцу, как лезвие ножа. С того времени минуло лет десять. Райделу было пятнадцать. Сколько воды утекло с тех пор! Теперь он взрослый человек. Райделу вспомнилось замечание Пруста о том, что время старит людей, но не их чувства. Эта мысль показалась ему страшной.

В тот же день на вечеринке у Пэна Райдел выпил чуть больше, чем позволял себе обычно. Неожиданно в его воображении возник розовощекий американец – копия отца лет двадцать назад, – ласкающий в постели рыжеволосую женщину с синими глазами и с такими же, как у Агнес, чувственными алыми губами.

Настроение у Кинера испортилось, он стал желчным и раздражительным. Под конец вечеринки Райдел старался держаться с подружкой Пэна любезнее, чтобы загладить свою вину за язвительное замечание в ее адрес. На следующее утро, встав с легкого похмелья, он написал четверостишие о мраморном призраке, посвятив его своей юношеской любви.

В понедельник Райдел в пятнадцатый или шестнадцатый раз отправился в Дельфы и провел там весь день.

Воспоминание о розовощеком американце и его миловидной спутнице по-прежнему не давало ему покоя. Он уверял себя в том, что преувеличил сходство, особенно женщины с Агнес. Наконец Райдел решил, что должен еще раз повидать обоих, посмотреть на них вблизи. Тогда иллюзия развеется, и окончательно пройдет дурное настроение. Наверняка если он справится об этой паре у портье, то услышит в ответ, что это какие-нибудь мистер и миссис Смит из С.-Питсбурга, штат Флорида, и что в гостинице нет постояльцев с фамилией Кинер.

3

На третий день своего пребывания в Афинах Честер получил письмо от Боба Гамбардела, своего доверенного человека в Милуоки. Тот писал:

Дорогой Мак!

Отсутствие новостей тоже неплохая новость. Думаю, ты с этим согласишься. Минувшая неделя принесла семь новых покупателей акций. Вырученная сумма, за вычетом моих комиссионных, положена, как обычно, в банк. Жду твоих указаний относительно дивидендов по полугодовым доходам «Канадиан стар»...

Из письма следовало, что полиция до сих пор к Бобу не наведывалась. Это было второе сообщение от него. В Париже Честер также получил письмо от Вика, своего доверенного человека в Далласе. Значит, полиция не беспокоила ни того

ни другого вопросом: знают ли они Говарда Чивера, Уильяма С. Хайта или – боже упаси! – Честера Макфарланда? Именем У. С. Хайта, казначея «Канадиан стар компани корпорейтед», Честер подписывал чеки. Семь новых покупателей – не так уж плохо, отметил он про себя. Особенно если учесть, что в прошлом месяце он посоветовал Гамбарделу на время свернуть активность по реализации акций. С этих семерых Боб, вероятно, выручил пятьдесят тысяч долларов, а может, и больше. Всем, кто подписывался на акции, выдавались письменные сертификаты. Суммы дивидендов были небольшими, но выплачивались регулярно, и пока о существовании акционерной компании не узнали на Канадской бирже, а держатели ценных бумаг получают свои дивиденды, некому поднимать шум. Каждый раз, когда выпускались очередные акции, Боб и Вик заверяли Честера, что будут держать его в курсе всех событий, которые могут происходить на бирже в течение ближайших месяцев, когда курс ценных бумаг начнет подниматься. Так было с «Юнимексом», «Велкомтичем» и «Юниверсал ки». Честер не мог удержать их все в памяти. В крайнем случае, если кто-то из держателей акций станет задавать в своих письмах слишком много вопросов, Честер даст распоряжение одному из своих доверенных людей в Далласе, Сент-Луисе или Сан-Франциско позвонить этому человеку и предложить выкупить у него акции за большую цену, нежели та, которую он заплатил. В девяти случаях из десяти это срабатывало. Даже самые подозрительные не только оставляли у себя акции, но и прикупали еще.

Земля, под разработку которой были выпущены акции «Канадиан стар», действительно существовала, но стоила очень дешево и вряд ли содержала уран. Участок располагался на севере Канады. Честер и его помощники обычно показывали клиентам это место на карте и заявляли, будто разработка начнется в самое ближайшее время, как только инженеры сделают окончательные расчеты. На обратной стороне каждой акции в самом низу маленькими буквами было указано, что земля в настоящее время исследуется, однако не говорилось, с какой целью. Естественно, акционерная компания не могла нести ответственность за свое явно выраженное намерение разыскать уран.

Компания «Юнимекс» была несуществующим нефтяным концерном, якобы расположенным на побережье Мексиканского залива, неподалеку от границы между Техасом и Мексикой. Согласно финансовым документам, которыми располагал Честер, имущество «Юнимекса» оценивалось в шесть миллионов долларов. Нью-йоркским брокерам, которые ездили с инспекцией, он показал обширные участки земли на побережье. То, что во владении Честера был лишь небольшой заброшенный участок, не помешало ему заявить о своих правах на сотни квадратных миль вокруг. «Юнимекс» и «Канадиан стар» были в данный

момент основными источниками его дохода.

После нескольких дней пребывания в Греции Честер обнаружил, что дышит гораздо свободнее. Он с удовольствием пробовал различные блюда местной кухни, подаваемые в тавернах на небольших замасленных тарелках, вместе с узо или вином. Правда, ни ему, ни его жене вино не нравилось, тем не менее он допивал каждую бутылку до конца. Колетта купила себе пять пар туфель, а Честер костюм из английского твида, стоивший в два раза дешевле, чем в Штатах. И хотя ощущение опасности исчезло, все же осталась привычка оглядываться в вестибюле гостиницы: нет ли кого похожего на полицейского. Честер не думал всерьез, что на его поиски могут отрядить специального агента, но у ФБР наверняка имеются свои представители за границей. Полиции достаточно фотографии и показаний нескольких обманутых им людей, а справившись в паспортной службе, можно без труда установить его нынешнее имя.

За шесть дней, проведенных в Афинах, Честер и Колетта дважды побывали в Акрополе, съездили на автобусе в Салоники посмотреть на закат и на знаменитый автограф Байрона, оставленный им на одной из колонн в развалинах храма, осмотрели музеи и побывали в театре – именно побывали, потому что не поняли из пьесы ни слова. Следующими в их планах были Пелопоннес с Микенами и Коринфом, куда Макфарланды предполагали съездить, взяв напрокат машину, затем Крит и Родос. После чего они намеревались отправиться самолетом в Париж, провести там одну неделю и вернуться домой. Квартиры в Нью-Йорке у них теперь не было. Впрочем, жить на Манхэттене им больше не хотелось. Они собирались купить дом либо в Коннектикуте, либо в северной Пенсильвании.

Около шести часов их последнего вечера в Афинах Честер ненадолго отлучился из гостиницы, чтобы купить бутылку «Деварса». На обратном пути он заметил в вестибюле смуглого субъекта в сером пальто и шляпе. Незнакомец стоял возле одной из колонн, засунув руки в карманы. Он рассеянно смотрел из-под густых черных бровей, и Честер не был уверен, действительно ли поймал на себе его взгляд. Макфарланд мельком огляделся и заметил молодого человека в темном пальто, которого уже встречал дважды. Тот стоял возле двери и курил. Агенты, решил Честер. Его глаза инстинктивно выделили человека в сером пальто, хотя последние два дня притупили у него ощущение опасности. Честер еще в прошлый раз заподозрил в молодом человеке агента. Теперь же он в этом не сомневался. Стараясь не подавать виду, Честер, как и собирался, прошел к

конторке портье.

– Мы уезжаем завтра утром. Не могли бы вы подготовить счет? Мы хотим оплатить его сегодня вечером. Я Макфарланд из шестьсот двадцать первого номера.

Произнося свою фамилию, Честер слегка понизил голос.

Затем он направился к лифту. Смуглый мужчина последовал за ним. Входя в кабину, он снял шляпу. Свою Честер снимать не стал.

– Шестой, пожалуйста, – попросил Честер.

Лифтер вопросительно посмотрел на мужчину в сером пальто.

– Шестой, – сказал тот по-английски с сильным акцентом.

Грек, решил Честер, и от души у него чуть отлегло. У незнакомца был крупный семитский нос, прыщавое лицо и черные с проседью волосы. Макфарланд вышел на шестом этаже, мужчина тоже. Честер уже занес руку, чтобы постучать в свой номер, когда незнакомец обратился к нему:

– Прошу прощения. Если не ошибаюсь, Ричард Донлеви?

Это имя для Честера было связано с клубом «Сьювени» в Атланте.

– Вы обознались, – ответил он невозмутимо.

– Тогда, может, Луис Фергюсон?

Честер покачал головой:

– Нет. Извините.

– Вы путешествуете со своей супругой, да? Мне нужно с вами поговорить. Может, мы пройдем в ваш номер?

– А в чем, собственно, дело?

– Возможно, ничего серьезного, – улыбнулся мужчина. – Я представляю греческую полицию и хочу задать вам несколько вопросов. – Он достал бумажник, в пластиковом окошечке которого было вставлено служебное удостоверение. Посредине крупными черными буквами было выведено: «НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИЦИЯ ГРЕЦИИ». «Если отказаться разговаривать с ним, – подумал Честер, – это может только навредить».

– Хорошо, – сказал он равнодушно и постучался в номер.

Дверь почти сразу отворилась, но не широко.

– Прости, дорогая, – сказал Честер. – Я не один. Со мной джентльмен, у которого ко мне какое-то дело. Мы можем войти?

– Конечно, – проговорила Колетта и чуть побледнела.

Мужчины вошли. Колетта запахла полы халата и отступила к комоду.

Греческий агент кивнул ей.

– Мадам, простите за мое вторжение. – Он повернулся к Честеру. – Могу я узнать, под какой фамилией вы здесь остановились?

Честер выпрямился и нахмурил брови:

– Прежде объясните, чем вызвано такое любопытство.

Незнакомец вынул из кармана пальто небольшой перекидной блокнот, раскрыл его и показал Честеру фотографию:

– Это не вы?

Все в Честере оборвалось. На снимке был он – улыбающийся, с бокалом виски в руке. Изображение нечеткое из-за увеличения, но вполне узнаваемое, взято из

групповой фотографии участников обеда в клубе «Сьювени» трехлетней давности. Тогда его звали Ричард Донлеви. Волосы он носил подлиннее и еще не отпустил усов. В то время он продавал какие-то акции, теперь уже не вспомнить какие.

Честер покачал головой:

– Нет, это не я. Хотя и есть некоторое сходство. Не понимаю, к чему вы клоните.

– Это связано с разного рода, скажем так, операциями с ценными бумагами на территории Соединенных Штатов, – продолжал агент все с той же холодной учтивостью. – Я не в курсе всех подробностей, но даже если бы и знал, все равно не имел бы права их разглашать. Я всего лишь помогаю американской полиции, которая подозревает, что вы находитесь в Европе.

Честер почувствовал, как его охватывает паника. Он в розыске. Вероятно, кто-то попытался продать его акции и выяснил, что они дутые. А может, всему виной история с буклетами. Честер перевел взгляд на Колетту и увидел, как на ее лице отразился его собственный страх. Однако она тут же взяла себя в руки и улыбнулась.

– Но ведь у того, кого вы разыскиваете, другое имя, – возразил Честер.

– Множество имен. Это не имеет существенного значения. Так или иначе, я хочу, чтобы вы прошли со мной и ответили на несколько вопросов, – заявил полицейский уверенным тоном, явно не сомневаясь, что Честер последует за ним.

– Даже не собираюсь. Вы обознались, – отрезал Честер и снял пальто.

Колетта подошла к агенту, повернула к себе блокнот и внимательно посмотрела на фотографию.

– Это не мой муж.

– Мадам, под какой фамилией вы оба здесь остановились? Мне не составит труда это выяснить. Я просто позвоню портье и спрошу, кто занимает шестьсот

двадцать первый номер.

Колетта смерила его уничтожающим взглядом и проговорила высоким, по-детски срывающимся голосом:

- Вас это никоим образом не касается.

- Предупреждаю: я вооружен. Но мне не хотелось бы вас принуждать. Итак, вы идете?

Греческий агент сурово смотрел на Честера, его черные брови сошлись на переносице.

Тот пожал плечами, но с места не сдвинулся. Он оглядывался по сторонам, словно искал, чем защититься. И когда грек повернулся к телефону, бросился к ванной комнате.

- Стоять! - крикнул агент.

Честер обернулся на ходу и увидел, что полицейский бежит следом, направив на него пистолет. Быстро прикинул: выстрелить не успеет, вскочил на край ванны и дернул оконную раму. Рама оказалась влажной и липкой, и сдвинулась только на восемь дюймов.

- Честер! - закричала Колетта.

Агент схватил его за полу пиджака, но тут же был сбит ударом ноги, пришедшимся в основание шеи. Честер соскочил с ванны и, прежде чем грек успел подняться, ударил его по голове. Полицейский стукнулся лбом о край ванны. Честер размахнулся и двинул агенту в челюсть так, что тот полетел в ванну. Схватив грека, приподнял, занес руку для следующего удара и тут понял, что грек без сознания. Честер застыл, сжав кулаки и тяжело дыша.

- О боже! - Колетта стояла в дверях. - С тобой все в порядке, дорогой?

Макфарланд кивнул. Он подобрал с пола пистолет агента. На кафельном полу ванной комнаты валялись осколки разбитого стекла. Честер с ожесточением

пнул носком башмака один из них.

– Я уберу, – сказала Колетта.

– Его надо где-нибудь спрятать, – пробормотал Честер, – пока не явился второй агент. Внизу я видел еще одного.

– Правда? – выдохнула Колетта. – Дай подумать. Может, вынести на балкон?

Окна номера выходили на длинный балкон, протянувшийся во всю длину гостиницы.

– Нет, не успеем. Он будет здесь через минуту. Надо придумать что-то другое. Начни собирать вещи, дорогая. Мы должны съехать сегодня же вечером.

Колетта скинула халат, сунула его в чемодан и схватила со стула юбку.

– Кажется, я придумал, – сказал Честер. – В конце коридора есть кладовая. Я наткнулся на нее, когда искал уборную. Ты тогда была в ванной. Там над дверью горит красная лампочка. – Он взвалил на себя безвольно обвисшее тело агента. – Уф! Какой тяжелый. – И, качаясь под тяжестью ноши, направился к двери. – Посмотри, нет ли кого в коридоре.

Колетта кивнула и приоткрыла дверь.

– Кто-то возле лифта.

– Черт! Не успею! – Пальцы Честера судорожно впились в запястья грека. «А ведь ванна крепкая, – вдруг осознал он, – этот тип мог проломить себе голову». Его пальцы разжались сами собой, и тело агента соскользнуло на ковер. Честер уже готов был признаться Колетте, что у грека не прощупывается пульс, но тут она объявила:

– Теперь все спокойно. Никого нет.

Макфарланд собрал все силы и снова взвалил на себя тело агента. Мертвый он или нет, подумал Честер, сейчас ему самое место в кладовой. Если он мертв... Ну

что ж! Честер никогда с ним не встречался. Его убил кто-то другой. Человек этот никогда не заходил к нему в номер и не обмолвился с ним ни словом. Честер направился по коридору к кладовой, заклиная, чтобы дверь, как и в прошлый раз, была не заперта.

Неожиданно из-за угла появился второй полицейский и в замешательстве остановился. Честер глядел на него и от страха не мог пошевелиться. Губы молодого человека дрогнули, и по ним скользнула слабая улыбка – то ли удовлетворения, то ли сарказма. Честер ждал, что агент достанет пистолет. В левой руке он держал газету, правая была свободна. Молодой человек приблизился.

– Куда вы его тащите? – спросил Райдел и мельком оглядел коридор.

– Я... – Честер внезапно обмяк. Мертвое тело соскользнуло на пол. – Туда. – Он безвольно кивнул в сторону двери, над которой горела красная лампочка.

Молодой человек отбросил газету, быстро нагнулся, подхватил тело грека под мышки и поволок к кладовой. Честер глядел растерянно.

– У него была шляпа? – спросил Райдел. Честер машинально кивнул. – Принесите.

Макфарланд открыл кладовую – она оказалась незапертой – и быстро вернулся в номер. Колетта ждала у двери.

– Дорогая, подай мне его шляпу. Она возле телефона.

Колетта взяла шляпу с телефонного столика и протянула Честеру. Он вернулся к кладовой. Дверь была приоткрыта. Изнутри слышался стук ведер.

– Вот, пожалуйста. – Честер протянул молодому человеку шляпу.

– Он мертв? – спросил тот.

– Не знаю.

– Думаю, что да.

Райдел подрагивающими руками проверил содержимое внутренних карманов грека, извлек из бокового кармана бумажник и убрал к себе.

– У него был пистолет? Здесь кобура.

– Я взял его себе, – сказал Честер.

«Мертв», – пронеслось у него в голове, и руки задрожали. Честер глядел, как молодой человек подвинул ноги убитого и закрыл дверь. Вот и все. Теперь в глубине кладовой, среди ведер, швабр и грязных тряпок, в скрюченной позе, с опущенной кровоточащей головой остался лежать мертвец, первый человек, которого он убил.

Райдел взял Честера за руку и повел обратно в номер. По пути он подобрал с пола газету.

Макфарланд побарабанил кончиками пальцев в дверь.

«Странное поведение для агента, – размышлял Честер. – Может, ему не хочется, чтобы постояльцы гостиницы видели труп?»

Колетта отворила дверь и замерла в ожидании.

Честер быстро вошел.

Райдел проследовал за ним, кивнув на ходу женщине. Он заметил пятна крови на ковре, но не смутился. Мысли его прояснились.

– Меня зовут Райдел Кинер, – представился он. – Здравствуйте.

– Здравствуйте, – с трудом выдавил Честер.

– Мой муж оглушил этого человека, защищаясь, – быстро проговорила Колетта, глядя Райделу прямо в глаза. – Я видела, как все произошло.

– Подожди, дорогая, – остановил ее Честер.

– Видите ли... Позвольте, я объясню, – начал Райдел и смутился из-за своего «позвольте», сорвавшегося с языка. – Я не из полиции.

– Нет? Тогда почему?.. – спросил Честер.

Райдел и сам не знал почему. Решение помочь пришло столь быстро и столь неожиданно, что вряд ли могло быть осознанным.

– Я обычный американский турист. Можете рассчитывать на меня.

Странное ощущение не покидало Райдела во время разговора. Может, тому виной пятна крови на светло-зеленом ковре?

– Надо смыть кровь, пока не впиталась, – посоветовал он.

Честер был не в силах сдвинуться с места и кивнул КоLETTE.

Она прошла в ванную и тотчас вернулась с губкой, которую Честер купил для нее.

– Я уже все вымыла в ванной, – сказала она и, опустившись на колени, стала тереть ковер.

Ее черная юбка плотно облегла бедра, и Райдел задержал на них взгляд. Затем быстро прошел к двери, осторожно открыл и выглянул в коридор.

– Что-то услышали? – спросил Честер.

– Нет. Я только хотел проверить, не осталось ли пятен крови в коридоре. Наверняка они есть, но на черном ковре не видно. – Он закрыл дверь. – А теперь... – Так что же, собственно, теперь? Мужчина смотрел на него, растерянный и подавленный. – Теперь нужно выбраться отсюда, прежде чем этого типа хватятся – его начальство или кто-нибудь еще.

– Или пока не обнаружили в кладовой, – добавил Честер. – Ну что ж. Мы уже собрали вещи и готовы ехать. Не так ли, дорогая?

– Еще нужно упаковать твои банные принадлежности, – ответила Колетта. – Возьми бритву и все остальное, Чес. Свои вещи я уже убрала. И брось мне, пожалуйста, полотенце.

– Полотенце?

– Да, здесь нужно вытереть.

Судя по всему, Колетта трезво смотрела на вещи и не теряла самообладания. Она подняла глаза, встретила взгляд Райдела и улыбнулась. Затем проворно поймала брошенное ей Честером полотенце.

– Вот попали в историю! – вздохнула она и снова принялась за работу.

Райдел вспомнил о бумагах, которые убрал в карман своего пальто, и достал их. В плотной записной книжке оказалось несколько фотографий. Перебирая их, он сразу же наткнулся на фото Честера и подошел к нему. Тот быстро укладывал чемодан.

– Это вы?

Честер посмотрел и растерянно кивнул.

Из комментария на греческом следовало, что данный человек разыскивается за подлог и мошенничество. Под фотографией латинскими и греческими буквами было написано несколько имен.

– Какое из них ваше? – спросил Райдел.

Честер повернул к себе фотографию и рассеянно просмотрел имена.

– Ни одно. Меня зовут... Честер Макфарланд.

Что толку скрывать, подумал он, если можно справиться у портье, кто занимал этот номер.

– Честер Макфарланд, – негромко повторил Райдел.

Честер нервно улыбнулся:

– Вы слышали обо мне?

– Нет-нет. Греческого агента звали Георг М. Папанополос.

– Хм. Мы собирались завтра в Коринф. Вы, случайно, не знаете, можно ли туда уехать ночным поездом или автобусом? Вообще-то, мы собирались взять напрокат машину...

– Нет, не знаю. Но это можно выяснить у портье. – Райдел направился к телефону.

– Стойте! – Честер замахал руками. – Ваш звонок из этого номера...

– Мне пришла в голову одна мысль. – Райдел повернулся к Честеру и его жене, которая стояла посреди комнаты и глядела на него. – Никто не видел, как я сюда поднялся. Если спросят, я могу сказать, что пробыл с вами весь день или по крайней мере несколько часов.

Честер по-прежнему выглядел растерянным, и Райдел пояснил:

– Я не пользовался лифтом. Увидев, что он остановился на шестом этаже, я поднялся по лестнице. Уверен, никто меня не видел. Так что, если агента обнаружат прежде, чем мы покинем гостиницу, я смогу обеспечить вам алиби.

Слова его лились сами собой. Райдел обещал лжесвидетельствовать. И ради чего? Ради кого? Ради человека, чья внешность джентльмена, как он мог теперь убедиться, была насквозь фальшивой. Человека, чей костюм был ладно скроен и сшит, но запонки на манжетах вульгарно блестели. Человека, в котором чувствовалось что-то нечестное, потому что он был мошенником.

– Решайте сами. Я не настаиваю, – добавил Райдел. – Либо я звоню, либо нет.

– Хорошо, позвоните. Вы правы, – сказал Честер и отвел глаза.

Райдел снял трубку и заговорил по-гречески. Он спросил о поездах и автобусах, следующих в направлении Коринфа. Колетта закрыла чемоданы, повернулась к Райделу и уставилась на него с детским любопытством. Наконец он положил трубку.

– Последний автобус ушел в шесть. Поезд будет только завтра. Конечно, можно взять напрокат машину, но это привлечет внимание. Ведь туристы ездят в Коринф днем: обзор побережья считается лучшей частью путешествия. Вы наверняка слышали о пляжах Кинетты?

– Гм. Да, конечно. – Честер посмотрел на жену.

– Вы очень добры, – заметила Колетта. – Подвергать себя такой опасности ради нас...

Райдел не ответил. Только сейчас он заметил револьвер, оттопыривавший карман пиджака Честера, и подумал, что Макфарландам следует как можно скорее поменять паспорта. По крайней мере, не позднее завтрашнего дня. Это можно устроить через Нико.

– А как насчет Крита? – спросил Честер. – Мы собирались съездить и туда.

– Могу подсказать, – ответил Райдел. – Самолет летает туда утром, также утром ходит паром. Сейчас ничего нет.

– У вас кто-то из родителей грек? – поинтересовалась Колетта.

Райдел улыбнулся:

– Нет.

Он старался сосредоточиться, чтобы найти выход из положения, в котором оказались Макфарланды, но все его мысли крутились вокруг одного: он думал слишком медленно. Может, их спрятать у Нико? Хотя это был и не лучший вариант, но почему бы и нет? Взять такси и отвезти Колетту и Честера вместе с их багажом к Нико. Анна, его жена, наверняка сейчас дома и не будет возражать. Правда, их жилище было неопишимо грязным, и к тому же они

ютились в одной комнате. Впрочем, сейчас самое главное – выбраться отсюда.

– Вы готовы вызвать носильщика?

– Да. Но куда мы поедем? – спросил Честер.

– В другую гостиницу. Она называется «Дарданеллы». Примерно в десяти-пятнадцати кварталах отсюда. Не очень большая и комфортабельная, но это лишь на одну ночь. Ну а завтра, думаю, вам следует отправиться не на Пелопоннес, а на Крит. Во-первых, он больше, а во-вторых, дальше.

– Превосходно! – воскликнула Колетта так, словно речь шла о самом интересном и впечатляющем маршруте их путешествия.

– Водителю такси так и сказать: «Дарданеллы»? – спросил Честер.

– Да. Но если рядом окажется служащий гостиницы, скажите водителю, чтобы ехал на железнодорожный вокзал, а когда отъедете, назовите другой адрес. Портье можно сказать, что вы отправляетесь ночным поездом, ну, скажем, в Югославию.

– Я понял вас, – кивнул Честер, смущенный тем, что не догадался об этом сам, и нахмурился. – Вы действительно полагаете, что нам достаточно сменить гостиницу?

– Да, безусловно. Будем надеяться, что греческого агента не обнаружат до утра, пока служба не начнет уборку. Если в отеле будут считать, что вы уехали по железной дороге, полиция вначале займется проверкой поездов и пунктов пограничного контроля и лишь затем гостиниц города.

– Да, вы правы, – согласился Честер. Но тут же стиснул зубы. – О боже! Чертовы паспорта...

– Я уже подумал об этом, – сказал Райдел, направляясь к двери. – И знаю, как это устроить.

– Как?

– Я объясню позже. Сначала мне нужно кое с кем повидаться. Не буду отнимать у вас время. Загляну около десяти в «Дарданеллы». Согласны?

Честер поколебался, затем кивнул:

– Хорошо.

– О, это просто замечательно! – воскликнула Колетта, привстав на цыпочки и сложив ладони под подбородком. Она вытянула губы, словно посылала Райделу поцелуй.

– До вечера, – попрощался он и вышел.

Оставшись одни, Макфарланды переглянулись, он – угрюмо и растерянно, она – с улыбкой удивления.

– Я вызову носильщика, – сказал Честер и направился к телефону.

Колетта слушала, как он разговаривает с портье. Выражение ее лица изменилось. Она насупилась и нервно покусывала губы, напряженно о чем-то размышляя. Наконец Честер положил трубку, и жена спросила его:

– Чес, что он имел в виду, когда сказал, что агента могут не найти до завтрашнего утра? Не собирается же этот тип, когда очнется...

– Дорогая, думаю, он мертв, – сказал Честер глухо.

Темно-синие глаза Колетты расширились.

– Ты уверен?

– У меня не было времени убедиться в этом, но думаю, это так, – нахмурился Честер.

– Значит... Тот парень знал об этом?

- Да.

- О боже!

Честер засунул руки в карманы брюк, прошел между кроватями и нагнулся за бутылкой виски, горлышко которой торчало из кожаной спортивной сумки.

- Это будет дорого стоить.

- Что ты имеешь в виду?

Честер взял в ванной комнате уцелевший стакан.

- Наверняка он потребует платы за свое молчание. Вот увидишь. К счастью, деньги у нас есть.

- Думаешь, он действительно такой? - спросила Колетта, все еще не в силах прийти в себя. - Он... не похож на мошенника. Ведь он американец.

- Но не слишком обеспеченный. Почему, как ты думаешь, он влез в это дело? Я бы, конечно, выбрал другую гостиницу, но уверен, он ждет нас на улице, чтобы проследить. - Честер взболтал содержимое стакана - виски, разбавленное водой, - и выпил. - Зачем еще он во все это влез?

4

После встречи с Нико Райдел направился на улицу Эолу в гостиницу «Дарданеллы». Он шел не спеша, и тем не менее в запасе у него оставалось еще достаточно времени. Пришлось задержаться возле витрины закрытой аптеки. В конце квартала виднелся полуосвещенный фасад «Дарданелл». Улица была пустынной и тихой. Но что-то тревожное чувствовалось в этой тишине. Мимо просеменил тощий рыжеватый пес, пугливо вытянув вперед острую мордочку.

Райдел хорошо представлял, что могло произойти за эти несколько часов. Возможно, тело агента обнаружили сразу, как только они покинули «Кингз-палас», то есть в начале восьмого. В таком случае полиция уже успела осмотреть поезда и автобусы, следовавшие из Афин, – скорее всего, не более двух-трех – и занялась проверкой гостиниц. Вряд ли у нее уйдет много времени, чтобы обнаружить Макфарландов. Может, как раз в эту минуту полиция допрашивает в «Дарданеллах» Честера и уже добилась от него признания в том, что это он убил грека. Все произошедшее могло сломить его. Нетрудно представить, что в таком случае ждет Райдела в отеле. Честер, конечно, обрадуется, увидев его. Скажет: «Вот тот самый молодой человек, который находился с нами весь день», словно это могло изменить показания, данные им несколько минут назад. У Райдела засосало под ложечкой. А что, если Макфарланд заявит, будто это Кинер тащил тело агента по коридору, когда он, Честер, наткнулся на него, и будто Райдел, угрожая Честеру расправой, заставил его молчать об убийстве? Но тогда каков же мотив? Нет, не было ни малейшей возможности пришить ему это убийство. Так стоит ли тревожиться из-за фантазий? Райдел бросил окурки. Карманные гамилтоновские часы показывали без одной минуты десять. Это было точнее, чем то, что показывали его наручные часы.

В вестибюле «Дарданелл» Райдел огляделся по сторонам, нет ли кого похожего на полицейского агента. Но, кроме молодого портье, за конторкой в вестибюле была только пятидесятилетняя женщина в черном, отороченном мехом пальто и шляпе, на вид – немка.

– Я к мистеру Макфарланду. У меня с ним назначена встреча, – обратился Райдел к служащему отеля, следя за выражением его лица. Но оно оставалось спокойным.

Портье нажал кнопку коммутатора и сказал по-английски с сильным греческим акцентом:

– К вам какой-то джентльмен, сэ.

Глухой отрывистый голос Честера что-то ответил.

– Пожалуйста. Тридцать первый номер, – разрешил портье.

В вестибюле был лифт, но Райдел поднялся по лестнице, выложенной черным и белым кафелем. Нужный номер, очевидно, помещался на втором этаже: Райдел увидел табличку с номером 28, как только поднялся на площадку следующего этажа. Старый ковер на полу был грязновато-зеленого цвета. Единственная лампочка горела тусклым желтоватым светом. Гостиница производила более удручающее впечатление, чем «Мельхиор Кондилис». Райдел постучал в тридцать первый номер.

Дверь приоткрылась, и он увидел Честера.

- Добрый вечер, - поздоровался Райдел.

Честер прищурился:

- Вы один?

- Да.

С лица Честера исчезло выражение настороженности. «Видимо, он решил, что я могу привести полицию, - подумал Райдел, - или своего знакомого, который будет вымогать у него деньги».

- Проходите, - пригласил его Честер.

Райдел вошел.

- Добрый вечер, - поздоровался он с Колеттой.

Колетта сидела в кресле, скрестив ноги. Руки ее покоились на подлокотниках. Поза показного спокойствия, отметил про себя Райдел.

- Отель покинули без приключений? - спросил он Макфарланда.

- Да, все нормально. - Честер, теребя усы, покосился на жену.

– Должна признаться, гостиница, в которой вы нас поселили, весьма живописная, – улыбнулась Колетта.

Райдел огляделся. Колетта права. Обшарпанная, обставленная дешевой мебелью комната.

– Потерпите, это лишь на одну ночь. Я пришел поговорить с вами насчет паспортов. Думаю, к завтрашнему полудню у вас будут новые документы. Я только что встретился с одним моим знакомым.

Он старался держаться вежливо и деловито, но Честер воспринял это как дружескую болтовню.

– Хорошо, может, присядете? – И пододвинул Райделу стул. – Позвольте ваше пальто.

Райдел начал было раздеваться, но передумал.

– Спасибо. Я ненадолго.

Он расстегнул пальто и сел на стул.

– Здесь такой холод, – заметила Колетта. – Всем нам не мешает одеться потеплее. Милый, не подашь мою мохеровую накидку?

– Конечно, дорогая.

Честер прошел в прихожую, где помещался стенной шкаф, и принес жене накидку.

Колетта быстрым и грациозным движением набросила накидку на плечи и спрятала под нее руки.

– Вы говорите о паспортах, – сказал Честер, садясь на стул. В руке у него невесть откуда появился бокал виски с содовой. – Как вы отнесетесь к тому, чтобы выпить?

– Спасибо. В другой раз, – отказался Райдел. Он достал сигарету и закурил. – Завтра для вас будут готовы два паспорта. Каждый обойдется в пять тысяч долларов. Это сравнительно недорого. Человек, который все организует, хочет за свои услуги тысячу долларов. Соответственно, десять тысяч пойдут тому, кто выполнит работу.

Честер посмотрел на Колетту, затем снова на Райдела. Было видно, что он намеревался что-то сказать, но, видимо, передумал и медленно отпил из своего бокала.

– Если вы не хотите, я не буду заниматься вашими паспортами, – сказал Райдел, начиная злиться оттого, что Честер явно ему не доверяет. – Но учтите, завтра утром полиция будет искать Макфарланда. То, что вашего имени не было в записной книжке агента, ничего не меняет. У полиции наверняка имеются другие отпечатки тех снимков. И кому-то должно быть известно, что грек в тот день разыскивал именно вас. Вы занимали номер на шестом этаже, где обнаружат труп. Полиция обязательно постарается выяснить, не имел ли кто из проживающих на этом этаже сходства с кем-либо из изображенных на фотографиях. И не забывайте: вы освободили номер, когда...

– Хм. – Честер подался вперед, достал из кармана носовой платок и высморкался.

– Похоже, он прав, Чес, – сказала Колетта. – Ты говорил, что нам нужно покинуть Грецию сегодня ночью. Но представь себе, что нас останавливают на югославской границе и просят предъявить паспорта. А если полиция успеет сообщить пограничникам, что разыскивает нас? – Колетта говорила энергично, жестикулируя левой рукой, и Райдел заметил кольцо с довольно крупным бриллиантом на ее безымянном пальце, очевидно подарок к помолвке. Столь же дорогим было и платиновое обручальное кольцо.

«Может, Макфарланд жметесь из-за денег? – подумал Райдел. – Вероятно, его смущает сумма? Но пять тысяч за американский паспорт смехотворно дешево, даже если работа приятеля Нико окажется небезукоризненной». Он посмотрел на часы.

– Вы торопитесь? – спросил Честер.

– Нет, а впрочем, да. У меня назначена встреча в половине одиннадцатого. Мой знакомый, конечно, подождет, но я не хочу заставлять его ждать слишком долго. Это Нико, тот, кто достает вам паспорта. – Райдел сидел на самом краешке стула. Его начинало охватывать раздражение. Он уже собирался сказать, что не истратит ни цента из своих денег, пока не будет договоренности, и хочет, чтобы Честер знал об этом. Но удержался. – Я должен еще раз встретиться с Нико, чтобы передать ему фотографии для ваших документов и задаток. Думаю, это должно быть пять тысяч долларов. Но конечно, решать вам.

Честер встал и прошел к пепельнице, стоявшей на высокой подставке рядом с креслом Колетты.

– Честер, милый, ты понимаешь, о чем идет речь? – Колетта посмотрела на Райдела. – Мне кажется, я поняла.

Молодой человек отвел глаза. Он покосился на Честера, затем на дверь и подумал, что через пять секунд закроет ее за собой и никогда больше не увидит этих людей. Встретится с Нико, скажет, что все отменяется, и сам оплатит звонок Нико в Нафплион его другу Фрэнку.

– Да, конечно, вы правы, – произнес наконец Честер. – Нам действительно нужно поменять паспорта.

Он вел себя как человек, вынужденный идти на невыгодную сделку и всячески старающийся ее оттянуть.

– Вероятно, у вас есть другая возможность достать паспорта? Я не настаиваю на своем варианте. Просто я хорошо знаю этих людей, – сказал Райдел.

– Другой возможности у нас нет, – проговорил Честер.

– Дорогой, нам оказывают большую услугу. – Колетта поднялась и повернулась к Райделу. – Позвольте выразить вам нашу признательность. – Ее руки сжимали накидку у подбородка. – Спасибо.

Райдел через силу улыбнулся:

- Вы очень добры.

- Значит, нужны запасные фотографии? - Колетта направилась к своей сумочке, лежавшей на бюро.

- Нет, фотографии из ваших паспортов. На них должна быть печать, - сказал Райдел. - Так проще.

- Ну конечно. Какая я глупая. Я же видела фильм, где так делали. Ненавижу эту фотографию, но, видимо, мне не суждено от нее избавиться. По крайней мере, в этом путешествии. - Она протянула Райделу свой паспорт. - Думаю, у вас получится аккуратнее.

- Да, пожалуй. - Райдел знал: фотографии приклеены очень крепко.

Честер извлек свой паспорт из нагрудного кармана.

- Хорошо, что я забрал у портье наши документы, когда мы возвращались после ужина. Пришлось сказать, что мы уезжаем завтра рано утром.

- Да, кстати, - проговорил Райдел. - Самолет на Крит вылетает в десять сорок пять. Думаю, это самое лучшее. Или у вас есть другие идеи? - Он взял у Честера паспорт.

- Нет-нет. Крит нас вполне устраивает, - замахал тот руками. У него был усталый вид.

Губы Райдела едва заметно скривились в усмешке. Бросив взгляд на Колетту, он понял, что та прочитала его мысли.

Она не глупа, подумал Райдел.

- Теперь о деньгах. У вас найдутся пять тысяч наличными?

- Только в дорожных чеках, - ответил Честер.

Райдел покачал головой:

– Не думаю, чтобы завтра нашелся хоть кто-то, готовый принять дорожные чеки за подписью Честера Макфарланда.

Честер кивнул с напускной серьезностью, огляделся, прошел к стоявшему в углу чемодану, обшитому парусиной и кожей, перенес его в ванную комнату и закрыл за собой дверь.

Нетрудно догадаться, чем он сейчас занимается: достает свои зелененькие из потайного отделения за подкладкой чемодана, вшитого наверняка его женой. Райдел тоже держал свои наличные за подкладкой чемодана. Сейчас там лежали восемь десятидолларовых банкнот и около десяти долларов. У Честера, наверное, за подкладкой было зашито целое состояние. Колетта искоса поглядывала на Райдела. Она стояла позади кресла и барабанила пальцами по спинке.

– Из какого вы штата? – спросила она.

– Из Массачусетса.

– А я из Луизианы. Но уехала оттуда очень давно. Думаю, у меня не осталось даже акцента.

У нее был слабый южный акцент, который Райдел отметил. Он ничего не сказал и продолжал глядеть на пол позади кресла, словно ждал, когда увидит ее черные замшевые туфли-лодочки и стройные, хотя и плотные, лодыжки. Вот они появились, и его глаза скользнули вверх, по голениям, округлостям бедер, груди, и встретились с ее глазами как раз в тот момент, когда Честер открыл дверь.

Честер посмотрел на обеих и поставил чемодан на пол. В руке у него была пачка новеньких зеленых банкнот.

– А вот и я.

– Может, вам стоит прогуляться со мной и самому встретиться с Нико? – вежливо предложил Райдел.

Честер насторожился:

- Где?

- Мы договорились встретиться у кафе «Синтагма». Это на углу площади Конституции. Возможно, вы помните Нико? Он продает губки возле «Американ экспресс».

- А-а. - Честер улыбнулся, сначала вяло, но затем лицо его расплылось в широкой улыбке, глаза заблестели. - Конечно помню. Я купил у него одну. Отличный малый.

«Интересно, чем вызвана такая симпатия? - подумал Райдел. - Наверное, общностью взглядов на почве мошенничества».

- Нам пора. Придется взять такси. - Честер по-прежнему держал деньги перед собой.

Райдел сделал вид, что не замечает этого, и, повернувшись к КоLETTE, попрощался:

- Доброй ночи.

- Доброй ночи, - ответила она. У нее был приятный, но довольно высокий голос, и последние нотки прозвучали отрывисто и звонко.

- Сколько это займет времени? - поинтересовался Честер, убирая деньги в карман пиджака.

- Меньше часа. Если взять такси, то от силы минут сорок пять, - ответил Райдел.

Честер посмотрел на наручные часы:

- Я вернусь в начале двенадцатого, дорогая. - И, обняв жену за талию, поцеловал в губы.

Колетта посмотрела на Райдела. Он отвернулся и направился к двери.

Они молча спустились по лестнице и прошли квартал, прежде чем Райделу удалось поймать такси.

Нико, как и условились, ждал на углу. Он прохаживался взад-вперед, то ли теряя терпение, то ли стараясь согреться. Райдел посмотрел на часы: Нико ждал уже семь минут.

– Кажется, мы приехали. Вон тот парень в теннисных туфлях, – просиял Честер и позволил Райделу расплатиться за такси.

– Калиспера, – поздоровался Нико, когда они приблизились.

– Спера, – ответил Райдел и продолжил разговор на греческом. – Ну, что сказал Фрэнк из Нафплиона?

– Он возьмется за это, как я и говорил, – ответил Нико.

– Позволь представить тебе мистера Макфарланда. Он покупал у тебя губку. – Райдел кивнул в сторону Честера.

– Очень приятно, – улыбнулся Нико и подмигнул приятелю. – Для истинного грека нет разницы между губками и паспортами.

– Хорошо сказано. У меня с собой документы мистера Макфарланда и его жены с вклеенными фотографиями.

– Все в порядке? – поинтересовался Честер. Он откровенно наслаждался своей ролью и, покачиваясь на каблуках, поглядывал на Нико свысока как на мелкого исполнителя, которого собирался осчастливить щедрыми чаевыми.

Райдел вручил Нико паспорта и повернулся к Честеру:

– Теперь можете отдать ему пять тысяч.

Упоминание о деньгах возымело свое действие. Розовые щеки Честера улеглись складками на белом накрахмаленном воротничке. Он расстегнул пальто, достал из кармана пиджака деньги и протянул Нико.

Тот взял их, кивнул и, отойдя к уличному фонарю, начал пересчитывать.

Заложив руки за спину, Райдел глядел на фонарь. Внимание Честера привлекла парочка, шествовавшая в обнимку, ни на кого не обращая внимания, по противоположной стороне улицы.

Нико держался уверенно, словно имел дело с такими суммами каждый день. Пересчитав деньги, он неспешно вернулся, вытер рассопливившийся нос и кивнул Райделу:

- Осталось еще пять тысяч за работу и восемьсот мне. О'кей?

«О'кей» было единственным английским словом в их разговоре.

- Думаю, можно округлить до тысячи, - улыбнулся Райдел.

- Нет проблем, - ухмыльнулся в ответ Нико, и его металлическая зубная коронка тускло блеснула рядом с черной как ночь щербинкой.

- Когда приедет Фрэнк? - поинтересовался Райдел.

- Утром, в семь часов.

- Сможет он закончить паспорта к половине одиннадцатого?

Нико отрицательно замотал головой:

- Нет.

- Что-то не так? - насторожился Честер.

– Я спросил, будут ли готовы паспорта к вашему самолету. Он ответил, что нет. Впрочем, ничего страшного. Чтобы улететь на Крит, документы не нужны.

– Я знаю, – кивнул Честер и чуть нахмурился. – А когда они будут готовы?

– Очевидно, на следующий день, в четверг. – Райдел повернулся к Нико. – Паспорта понадобятся в четверг. Привезешь их в Ираклион. Самолет вылетает в десять сорок пять. Хорошо?

– О'кей, – согласился Нико.

«Наверное, это будет его первое воздушное путешествие», – подумал Райдел.

– Расходы на поездку вычтешь из предназначенной тебе тысячи.

– О'кей, – кивнул Нико.

– Если у вас все о'кей, я спокоен, – улыбнулся Честер.

Он достал из бумажника еще одну банкноту. Райдел хотел было его остановить, но передумал. Если ему доставляет удовольствие давать чаевые...

– А что с тем жемчугом? – поинтересовался Честер. – Помните, вы показывали мне браслет?

При слове «жемчуг» Нико подскочил так, словно его ударило электрическим током.

– Он хочет купить жемчужный браслет? – спросил Нико у Райдела по-гречески.

– Это зависит от цены. Покажи ему еще раз.

– Он дома. Ты же видел его.

– Что из того? Сходи и принеси. Это ведь ты продаешь. Меня интересует цена.

– Пятнадцать тысяч драхм.

– Пятьсот долларов? – скептически переспросил Райдел. – Надо еще раз посмотреть твой жемчуг.

– Буду через двадцать минут, – сказал Нико и, проверив застёжки на карманах своей короткой армейской куртки, куда он убрал деньги и паспорта, торопливо зашагал прочь, слегка косолапя.

Заложив руки за спину и подняв голову, Райдел выждал, пока мимо пройдет невысокая полная женщина с доверху набитой хозяйственной сумкой.

– Вы действительно хотите купить этот браслет?

– Да, за пять сотен, – ответил Честер. – По-моему, это не подделка.

Райдел кивнул. Жемчуг действительно был настоящий и стоил куда дороже пяти сотен. Скоро этот браслет украсит пухлое, покрытое веснушками запястье Колетты. Она наградит Честера поцелуем, а возможно, и кое-чем еще.

– Теперь о деле, – сказал Райдел. – Остальные пять тысяч вы заплатите Нико в четверг в Ираклионе, когда он привезет паспорта. Он просил за свои услуги восемьсот, но я считаю, ему следует дать тысячу. Это покроет его расходы на телефонные переговоры, поездку на Крит и...

– Что-то еще?

– Теперь, когда Нико стал вашим сообщником, думаю, ему лучше переплатить, чем недоплатить или проявить излишнюю щепетильность при расчете.

Честер понимающе улыбнулся:

– Согласен.

Некоторое время оба молчали. Райдел ждал, что сейчас Честер спросит: «А сколько за свое участие хотите вы?» или «Какова ваша доля?». Но вопроса не последовало. Начинал накрапывать мелкий дождик. Райдел поднял воротник

своего пальто. Его углы и кромка немного бахромилась. Райдел почувствовал это озябшими пальцами. Он вспомнил, как Честер мялся всякий раз, когда дело касалось денег. Возможно, виной тому скарденность. И несмотря на свою изрядно поношенную одежду, Райдел ощутил свое превосходство над Макфарландом.

– У нас есть время, чтобы выпить кофе, – сказал Райдел. – Пойдемте, не будем мокнуть.

– Да, конечно. Хорошая мысль.

За углом оказалось полупустое кафе. Райдел проголодался и не отказался бы от йогурта или тапиоки, тарелки с которыми были выставлены на прилавок. Однако заказал лишь черный кофе. Честер заказал капучино.

– Как он узнает, где нас найти на Крите? – спросил Честер.

– Вы можете встретиться с ним в аэропорту в четверг около часа дня. Это самое простое, – ответил Райдел. – Самолет прилетает в Ираклион между часом и половиной второго. Нико вернется в Афины обратным рейсом.

– Ясно. – Честер посмотрел на руки официанта, расставлявшего перед ними стаканы с водой и чашечки кофе. – Вы уверены, что паспорта будут в порядке? – Он нервно улыбнулся.

– Мне не приходилось видеть работу приятеля Нико, но, кажется, он в этом деле не новичок. – Райдел отвечал так, словно речь шла о достоинствах портного. Он холодно посмотрел на Макфарланда.

Большие холеные руки Честера нервно бегали по краю стола в перерывах между затяжками сигаретой и глотком кофе, словно он не знал, чем их занять. Глаза были красными. От него разило перегаром, к которому примешивался терпкий запах мужского одеколona или лосьона после бритья. Райдел попытался представить его с отцовской каштановой бородкой. Это оказалось несложно. Но еще проще было вообразить, что это его отец в сорокалетнем возрасте; тогда он еще не отпустил бороду. Райдел отдавал себе отчет в том, что внешнее сходство Честера с отцом было главной причиной, почему он неожиданно помог ему, когда увидел в коридоре с телом агента. Если, конечно, это можно считать разумным объяснением. Получалось, что подсознательно им двигало сыновье

чувство. Эта мысль Райделу не понравилась.

– Вы давно в Афинах? – спросил Честер.

– Около двух месяцев.

Честер покачал головой:

– Вы уже неплохо освоили язык.

– Это несложно.

Райдел выпрямился. Ему вспомнилось, как отец впервые занялся с ним древнегреческим. Райделу было восемь, а может, и меньше. Во всяком случае, к тому времени он, по мнению отца, «должным образом» освоил латынь. В пятнадцать Райдел выучил новогреческий. Отец тогда готовился к путешествию по Европе, которое собирался предпринять со всей семьей в конце лета. Для Райдела нынешняя поездка могла стать второй, но та не состоялась. В ту весну он встретил Агнес. Почувствовав на себе пристальный взгляд Честера, Райдел непроизвольно посмотрел на свое отражение в зеркале, висевшем за спиной его собеседника. Темные, коротко подстриженные волосы были влажными от дождя и блестели. Лицо бледное, глаза серьезные, линия рта выражала спокойствие и невозмутимость. Честер, наверное, считает его сообщником мошенников. Ну и пусть! Райдела совсем не заботило, что тот думает о нем.

– Ваш бизнес связан с ценными бумагами? – спросил он неожиданно, прикуривая сигарету.

– Ну... – Пальцы Честера оторвались от стола и повисли в воздухе. – В известном смысле – да. Я помогаю вести дела некоторым людям. Можно сказать, выступаю как консультант, – добавил он медленно, так, словно с трудом подыскивал нужные слова. – Вы, наверное, знаете, что такое акции?

Райдел полагал, что знает.

– Какого рода?

– Ну... – Последовала пауза. – Не обо всем в данный момент я могу говорить: кое-что является коммерческой тайной. К примеру, одни акции выпущены под изобретение, которое еще недоработано. Это «Юниверсал ки». В основе изобретения лежит принцип магнетизма. – Теперь его голос звучал увереннее. Он смотрел Райделу прямо в глаза.

Было видно, что Честер оседлал своего конька, и Райдел мог теперь ясно представить, как тот действовал. Несомненно, он был жуликом, и жуликом весьма талантливым. Из тех, кто, убеждая других, начинает верить в собственную ложь. Честер явно жил в придуманном им самим мире. Неудивительно, что столкновение с реальностью выбило его из седла.

– К сожалению, я не могу позволить себе покупать акции, – сказал Райдел.

– Ну что ж... – Честер слабо улыбнулся. – Я как раз собирался поговорить с вами о... о небольшом вознаграждении за ваши хлопоты с нашими паспортами. Может быть, вы...

– Я не имел в виду финансовую сторону, – улыбнулся Райдел. – Просто я хотел сказать, что не интересуюсь акциями, и среди моих знакомых нет никого, кто мог бы просветить меня в этой области.

Разговор о вознаграждении, несомненно, был трудным для Макфарланда. Он нервничал. Ему хотелось поскорее выяснить: собираются его шантажировать или нет. Райдел вздохнул, допил кофе и посмотрел на наручные часы. Нико должен вернуться через пять минут.

– И все же что касается вознаграждения. Может, вы сами назовете сумму, которая вам кажется справедливой. Мне бы хотелось отблагодарить вас. Или... Может, вы в доле с Нико?

– Нет, – ответил Райдел сухо. – Благодарю вас, но никаких денег я не возьму.

– Ну что ж, нет так нет. Я не хотел вас обидеть... Но, конечно... – Он был похож на человека, который недоволен тем, что ему не дают заплатить, хотя в действительности был этому рад.

Райдел покачал головой:

– Благодарю.

Он сделал знак официанту, что они уходят, и полез за деньгами, чтобы расплатиться за кофе.

– В таких делах не надо торопиться. Вы еще не видели, как сделаны новые паспорта. Пока моя заслуга лишь в том, что я лишил вас и вашу жену документов и пяти тысяч долларов.

– О! – Честер натянуто улыбнулся. – Позвольте, оплачу я. Вы заплатили за такси. – Он положил деньги, добавив двойные чаевые. – Кстати, вы оказали мне еще одну услугу, – Честер понизил голос, – сегодня в гостинице, когда пообещали в случае необходимости обеспечить мое алиби. – Он замолчал, глядя на пепельницу, затем поднял глаза на Райдела. – Если вы согласитесь поехать с нами на Крит, я с удовольствием возьму на себя все расходы. Это самое меньшее, что я могу сделать для вас, особенно если вы по-прежнему готовы подтвердить мою невиновность. – Он говорил медленно, с трудом подбирая слова, и под конец смахнул с рыжеватых бровей капли пота.

Райдел задумался. Он и так в ближайшее время собирался на Крит. Впрочем, это еще не причина, чтобы принять предложение Честера. Доводы «против» были очевидны, но вместе с тем Райдел смутно чувствовал, что есть и доводы «за». Его тянуло к Честеру, хотя лишь единственно из-за необычной внешней схожести с отцом. Определенную симпатию вызывала у него и жена Честера, хотя Райдел и не собирался за ней волочиться. Путешествие с Макфарландами могло оказаться рискованным. Но только ли интерес к ним обоим двигал Райделом? Он давно искал какое-нибудь приключение, поджидавшее его в сизых сумерках Афин или в розовом мареве рассвета, обволакивающего Акрополь, но безуспешно. Так, может, Райделу суждено найти его в розовощеком проспиртованном лице мошенника, который так удивительно похож на его отца? Он улыбнулся.

– Может, вам нужно время, чтобы подумать? – спросил Честер.

– Нет, не надо. Я и сам собирался на Крит, и в состоянии оплатить поездку.

– Хорошо. Так вы поедете с нами завтра утром?

Райдел молча кивнул, словно боялся выразить свое согласие вслух.

– Нам пора. Нико уже вернулся.

5

Честер вернулся в «Дарданеллы» в начале двенадцатого и застал жену в постели. Она лежала на боку, лицом к двери, подперев голову рукой. Рядом с кроватью горел ночник. Глаза у Колетты были влажными от слез.

– Что с тобой, дорогая? – Честер опустился возле нее на колени.

– Не знаю, – ответила она срывающимся, по-детски высоким голосом, который появлялся у нее, когда она плакала. – Просто... Все это так внезапно обрушилось на меня... на нас.

– Что ты имеешь в виду?

Она торопливо смахнула накатившуюся слезу.

– Он мертв? Это правда?

– Думаю, да. То, что произошло, конечно, ужасно, но, с другой стороны, этот... несчастный случай – ведь это действительно несчастный случай – помог нам. Если бы тот тип очнулся, у нас было бы куда больше неприятностей. Так что...

– Не понимаю, как ты можешь спокойно говорить об этом, – вспыхнула Колетта.

– Дорогая, мне тоже нелегко, но я обязан сохранять спокойствие, если хочу... если мы хотим выпутаться из этой истории. Ты ведь не хочешь, чтобы я потерял самообладание?

- Нет, - всхлипнула Колетта, словно ребенок, от которого требуют послушания.

- Ну вот и умница. Я делаю все, что в моих силах. В четверг на Крите мы получим новые паспорта. Я встречу с тем парнем в аэропорту, как только он сойдет с самолета. А теперь посмотри, что я тебе принес.

Он поднялся, достал из кармана пиджака жемчужный браслет и поднес к свету, чтобы ей было лучше видно.

Какое-то время она смотрела, затем протянула руку и повернула браслет на ладони.

- Красивый, - проговорила Колетта и убрала руку обратно под одеяло.

- Дорогая... - Честер на мгновение растерялся. - Настоящий жемчуг - и почти даром. Всего пятьсот баксов. Ну же, улыбнись. - Он взял ее за теплый круглый подбородок.

Прежде она улыбалась и охотно подставляла губы для поцелуя. Теперь же в ее глазах застыла тревога.

- Это будет тянуться за тобой до конца дней. Ведь так?

- Что именно?

- Смерть грека.

Честер понял, что она имеет в виду, и присел на кровать.

- Не совсем. Это будет тянуться за Честером Макфарландом. Но теперь Макфарланд не имеет ко мне никакого отношения. - И посмотрел на нее с таким видом, словно изрек прописную истину. - Короче, в четверг у нас обоих будут новые имена.

Он подождал, что скажет жена, но она молчала. Тогда он поднялся и начал снимать пальто.

– Честер, мне страшно, – всхлипнула Колетта, совсем как ребенок, который не хочет, чтобы папочка уходил.

– Я знаю, что ты сейчас испытываешь, дорогая. Но завтра, вот увидишь, все будет позади. Обещаю. Райдел купит нам билеты, я дал ему денег. От нас требуется лишь одно: быть в десять часов в аэропорту.

Колетта молчала и по-прежнему глядела перед собой невидящими глазами. Честер надел пижаму. Он уже принял перед ужином ванну и теперь брился своей бритвой на батарееках. У него была густая щетина, и сегодня вечером это досаждало ему вдвойне. Он бодро проговорил:

– Кстати, этот молодой человек поедет с нами. Что ты об этом думаешь? По-моему, он нам может пригодиться.

– На Крит? – Колетта оживилась и впервые за все время разговора подняла голову.

– Да. Я предложил ему поехать с нами. Он не хочет брать за свои услуги ни цента. Во всяком случае, так он сказал. Может, ему перепадет что-нибудь из той тысячи, которую получит от меня Нико. Но главное, он едет, и это нам выгодно, – добавил Честер, понизив голос и продолжая вытирать руки полотенцем. Он приблизился к Коlette. – В случае чего Райдел подтвердит, что был с нами весь день и что мы не видели того грека. Впрочем... – Честер осекся. Только сейчас он сообразил, что после четверга, когда они уже не будут Макфарландами и у них появятся другие паспорта, отпадет необходимость в алиби.

– Так, значит, он не взял с тебя денег. Как благородно с его стороны! Видишь, твои подозрения оказались беспочвенными, – улыбнулась Колетта. Она села на постели, обхватив колени.

– Может быть.

Честер уже начал раскаиваться в том, что пригласил потенциального шантажиста – а Райдел еще мог оказаться таковым – сопровождать их в поездке. Честер и сам должен был понять, что после четверга алиби ему больше не понадобится. Но почему же Райдел Кинер об этом умолчал? Ведь он очень толковый молодой человек и наверняка учел все. Честер посмотрел на

просветлевшее лицо жены. От ее слез не осталось и следа. Он прошел к бюро, на котором стояла бутылка виски.

- Хочешь немного выпить?

- Нет, спасибо. От чего бы я сейчас не отказалась, так это от стакана молока.

- Заказать?

Честер поставил бутылку и направился к телефону.

- Не надо. - Колетта замотала головой и снова задумчиво уставилась перед собой. - Надеюсь, он получит что-нибудь с той тысячи.

- Почему это тебя волнует?

- Потому что он заслужил эти деньги и к тому же в них остро нуждается. Ты обратил внимание на его туфли?

- Да. - Честер отхлебнул виски и нахмурился. - Я только что подумал: после четверга у нас уже не будет нужды в его услугах, если, конечно, ничего не случится и мы не останемся без паспортов. Тогда без него не обойтись. Нам придется заявить, что у нас их украли или что-нибудь в этом роде. Ты помнишь, он обещал подтвердить, что был с нами весь день?

Колетта слабо усмехнулась, и Честер почувствовал, что она поняла это раньше его. Он частенько замечал, что Колетта схватывает все гораздо быстрее. У нее был острый ум и тонкая интуиция.

- Он знает греческий, и это может нам пригодиться. Кроме того, он порядочный человек, ты мог в этом убедиться, Чес.

- Ты так считаешь? Будем надеяться. Выключить свет?

- Да. Он говорил мне, что родом из Массачусетса.

- Что с того? Я знавал достаточно проходимцев родом из тех мест.

- Но он не похож на проходимца. - Она уютно устроилась в его объятиях, положив голову ему на грудь.

- Ты же видела, как он одет.

- При чем тут одежда? У него приятные манеры. Наверняка он из бедной, но благородной семьи.

Честер снисходительно улыбнулся в темноте. На такие темы спорить с Колеттой бесполезно. Он считал, что в глубине души она оставалась южанкой. В ванной таинственно загудела труба. Где-то за стеной раздался глухой сердитый голос, ему ответил пронзительный женский.

- Надеюсь, это не будет продолжаться всю ночь? - вздохнула Колетта.

- Хотелось бы.

Настроение у нее заметно улучшилось. Честер вдруг понял причину. Это оттого, что молодой человек едет с ними. А он еще собирался уговаривать Колетту согласиться. Не смешно ли? Честер нахмурился. Ему вспомнилось, как Райдел и Колетта переглянулись, когда он выходил из ванной комнаты с чемоданом. Как знать, может, именно в этом причина, почему молодой человек умолчал о том, что скоро отпадет необходимость в его услугах. Честер поморщился. Теперь, если Райдел останется, он сможет держать его еще крепче. Видимо, он рассчитывает на куда большую сумму, нежели несколько сотен долларов или даже тысяча.

- Что с тобой, дорогой? Я сказала что-то не так?

- Нет. Все нормально.

У него было беспокойно на душе. Вновь и вновь он мысленно возвращался к тому, о чем думал весь день. О том, что тело убитого агента обнаружат в гостинице «Кингз-палас» не позднее пяти часов утра. Часа через два полиция осмотрит поезда и автобусы, после чего займется проверкой афинских гостиниц.

Макфарландов могут задержать уже в восемь часов утра, прежде чем они успеют покинуть «Дарданеллы». А может, он испытывал гнетущее состояние оттого, что у него был такой тяжелый день? За ужином Честер почти заставил себя съесть бифштекс. И после всего Колетта заявляет, что он совершенно спокоен! Честер долго не мог уснуть. Рука у него затекла. Осторожно, чтобы не разбудить жену, он вытащил руку из-под ее головы и повернулся на другой бок.

Честер проснулся в половине восьмого. Колетта еще спала. Он снял трубку телефона и заказал завтрак:

– Кофе по-американски, тосты и джем. Тосты с маслом... Нет, намазанные маслом. Молоко отдельно. Не в кофе. Поняли?.. Но я ничего не говорил о кофе по-французски. Кофе по-американски. Хорошо. Когда молоко доливается – это и есть с молоком. Пожалуйста, поторопитесь. И, если можно, подготовьте наш счет. – Честер положил трубку. – Уф!

Колетта открыла глаза:

– У тебя какие-то проблемы?

Она улыбнулась, села, откинула назад волосы и потянулась, подняв руки над головой. Ее пальцы выгнулись, повторяя изгиб спины. Пока Честер брился, Колетта быстро приняла ванну. Горячей воды не было, и, окунувшись, она вскрикнула от холода.

– Тебе приготовить ванну, дорогой? – спросила она Честера.

– Спасибо, нет времени.

Он не притронулся ни к сероватому кофе, ни к ломтикам круглого черствого хлеба, больше похожего на сухари, но поданного в качестве тостов. Зато Колетта съела их несколько. Она размячала их, макая в кофе, затем густо намазывала апельсиновым джемом.

– Понюхай, Чес, – рассмеялась она и протянула тарелку с хлебом. – Пахнет мокрой овцой.

Честер понюхал, кивнул в знак согласия и вернулся к тому, от чего оторвала его Колетта: он украдкой выпивал в ванной. Жена сердилась, когда Честер начинал день с виски.

Они прибыли в отделение авиакомпании «Олимпия» без четверти девять. Райдел обещал купить билеты на имя Кольбертов. Честер сдал багаж. У него не спросили имени и поинтересовались только, каким рейсом он летит. Он назвал рейс в Ираклион в одиннадцать пятнадцать, добавив полчаса к тому времени, которое было указано на табло. Затем вместе с Колеттой вышел на улицу. Он решил немного прогуляться, чтобы не маячить в отделении авиакомпании, где его может искать полиция. Впрочем, наиболее вероятное место для розыска – аэропорт.

Время тянулось медленно. Честер едва удержался, чтобы не заглянуть по привычке в «Америкен экспресс». Обычно он дважды в день проверял, не пришла ли ему какая-нибудь корреспонденция. Теперь он уже не мог спрашивать письма, адресованные Честеру Макфарланду, так же как не мог обналичить ничего из тех пяти-шести тысяч долларов в дорожных чеках, выписанных на это же имя, которые лежали у него в чемодане. Интересно, что бы предложил Райдел Кинер для спасения хотя бы части этих денег?

– Дорогой, посмотри на эти туфли. – Колетта потянула его за руку к витрине магазина.

Честер послушно уставился на витрину. Красновато-коричневые узконосые туфли были расставлены полукругом и, казалось, все указывали на него.

– Да, конечно, время еще есть, – машинально ответил он на вопрос Колетты, и в следующее мгновение ее темная фигура в меховом мантио уже вырисовывалась на фоне стеклянной двери, на которую она налегала плечом, пытаясь открыть.

Колетта повернулась и развела руками. Ее сумочка отлетела назад.

– Закрыто. Вот придурки. Не умеют торговать. Половина десятого. – Она щебетала, как маленькая птичка.

Честер в душе был рад, что магазин закрыт. Они повернули назад, к отделению авиакомпании «Олимпия».

– А вот и он! – воскликнула Колетта и помахала рукой в светло-серой замшевой перчатке.

Райдел заметил ее и помахал в ответ. Он шел им навстречу с коричневым чемоданом в руке. Сделав знак, чтобы они оставались на месте, он скрылся в дверях «Олимпии». Перед входом то и дело останавливались такси, из них выходили пассажиры, и суетливые носильщики помогали им с багажом.

– Он должен купить нам билеты, – сказал Честер.

– Тогда пойдем. – Она потянула его за руку. – Надо дать ему денег на билеты.

– Я уже дал ему вчера. Этой суммы хватит, чтобы заплатить за наши билеты. Себе он купит сам.

Преодолев страх, Честер направился к дверям авиакомпании. Ноги его были ватными.

Они нашли Райдела в окружении группы людей, стоявших с багажом. Тот сделал знак, Макфарланды поспешили к нему, обходя чемоданы и нагруженных носильщиков.

– Доброе утро, – кивнул Райдел КоLETTE, – миссис Кольберт.

– Доброе утро, – ответила она.

Райдел огляделся по сторонам и повернулся к Честеру:

– Его обнаружили сегодня утром около семи.

– Да? – В ушах у Честера зазвенело так, словно эта новость застала его врасплох. – Откуда вы знаете?

– В вестибюле моей гостиницы есть радио. Я послушал в девять часов новости. – Он посмотрел на Колетту.

В его бесстрастном тоне Честеру почудилось упоение собственным хладнокровием. Казалось, что бы ни случилось, на его лице не дрогнет ни одна жилочка. В том, как держал себя Райдел Кинер, чувствовался гонор. Но сейчас Честеру было не до того. Послезавтра, если этот тип потребует пять тысяч долларов за то, чтобы исчезнуть, Честер, разумеется, заплатит и помашет ему на прощание.

– Вот ваш билет. – Райдел протянул его Честеру.

– А второй?

– Думаю, будет безопаснее, если я и ваша жена пройдем регистрацию вместе как супруги Кольберт, а вы – под фамилией Робинсон. В самолете вы сядете отдельно. Не беспокойтесь по поводу фамилии. Скорее всего, спрашивать ее у вас не будут. Вы ведь знаете, на местных линиях паспорта не требуют.

Самолюбие Честера было задето, но он не нашелся что ответить.

– Если вас ищут в аэропорту, – продолжал Райдел, – то в первую очередь будут обращать внимание на супружеские пары. Мне кажется, лучше подстраховаться.

Честер кивнул. Это выглядело разумно. К тому же полет длился лишь пару часов.

– Хорошо, – согласился он.

– Похоже, уже началась посадка в автобус. Где ваши чемоданы?

Честер получил багаж, и они сели в длинный автобус, на разные места. Автобус плавно проследовал мимо Национального сада, обогнул развалины храма Зевса Олимпийского, на фоне которого Честер еще вчера утром фотографировался с Колеттой. Их щелкнул его камерой один итальянский турист. Пленка по-прежнему была в фотоаппарате, и Честер собирался проявить ее в Ираклионе, выписав квитанцию на новое имя, которого еще не знал. Его колени упирались в спинку переднего сиденья. Что-то круглое каталось под подошвой туфли. Честер нагнулся и поднял светлую, телесного цвета, дешевую шариковую ручку, изготовленную, судя по надписи на корпусе, в Германии. Он чиркнул по тыльной

стороне ладони. Паста оказалась синей. Как знать, может, это маленький знак удачи?

В аэропорту у них еще оставалось время, чтобы выпить кофе в небольшом баре, где продавалось и спиртное. Честер заказал себе кофе и бренди. Он заметно нервничал. Громкий голос диктора объявлял на греческом, французском и английском языках о посадке, о прибытии самолетов, о погоде, называл фамилии людей, и ему казалось, что вот-вот объявят о том, что в гостинице «Кингз-палас» обнаружен труп. Райдел оставил свой кофе и отправился купить газету. Вокруг царили шум и суета. Колетта выглядела спокойной. Она восседала на высоком стуле у стойки бара, положив ногу на ногу, и разглядывала посетителей, сидевших с газетами в руках в глубоких кожаных креслах среди высоких пятнистых растений и окутанных сизой дымкой сигаретного дыма. Вскоре показался Райдел. Он шел, читая на ходу греческую газету и то и дело натываясь на встречных людей.

Он вяло улыбнулся Честеру и покачал головой. Предложил Колетте сигарету, от которой она отказалась, и допил свой кофе.

Они поднялись по трапу самолета – Райдел и Колетта впереди, Честер следом, пропустив вперед себя несколько человек. Самолет взлетел и начал набирать высоту. Внизу показалось море, затем мягкие ворсистые поля облаков, застилавших голубое небо. Честер листал путеводитель, стараясь сосредоточиться на информации о Крите. Схемы Кносского дворца выглядели допотопными и малопонятными. Сквозь шум мотора он слышал позади себя громкий смех и болтовню какой-то греческой пары. Чуть дальше по другую сторону прохода сидели Райдел и Колетта. «Интересно, о чем они сейчас говорят? – подумал Честер. – Наверное, о какой-нибудь ерунде». Колетта была в хорошем настроении. Как быстро она оправилась! Никогда еще Честер не видел ее такой взволнованной и потрясенной, как в прошлый вечер. И вдруг за считанные часы все прошло. Убийство... Конечно, это ужасное испытание для нее. Счастье, что все обошлось. А если бы нет? Как бы то ни было, на его стороне смягчающие вину обстоятельства. Это неумышленное убийство, скорее даже несчастный случай. Нет, ему не вынесли бы смертный приговор. Куда больше Честера беспокоило другое – то, что он еще до этого был в розыске. Смерть греческого агента не исправила, а только ухудшила его положение, позволив выиграть лишь несколько часов и ничего больше.

Честер достал из спортивной сумки, стоявшей у него в ногах, флягу с виски, которую предусмотрительно наполнил, сунул ее в карман и направился в уборную, помещавшуюся в хвостовой части самолета. Колетта сидела закрыв глаза и откинув голову на белый подголовник. Райдел глядел в иллюминатор.

Пассажиры едва успели закончить легкий завтрак, состоявший из холодной закуски, как самолет приземлился. Аэропорт Ираклиона являл собой унылую картину: бетонное поле, подступавшее к кромке воды, здание аэропорта, похожее на длинную плоскую коробку, и рядом – пустующая американская авиабаза, возле которой околачивались несколько служащих, одетых в синюю форму американских ВВС. Всех пассажиров посадили в старенький, выдавший виды автобус и повезли в город. Автобус останавливался пару раз в каких-то селениях и наконец, судя по всему, прибыл на место, которое мало чем отличалось от предыдущих остановок. Пассажиры начали выходить, ступая на пыльную мостовую. В конце улицы, через три-четыре квартала, виднелось море.

– Отель «Ираклион»! Недорого! Горячая вода! – выкрикивал чумазый парень. О том, что он имеет отношение к этой гостинице, свидетельствовало ее название на тулье поношенной фуражки.

– Оставь, – отмахнулся от него Райдел. Он пытался отыскать их чемоданы в общей куче багажа, беспорядочно сброшенного с крыши автобуса.

– Отель «Корона»! Всего в двух кварталах!

– Отель «Астир»! Лучший в городе! – Черноволосый парень в бежевой униформе посыльного козырнул Честеру и ухватился за два чемодана, стоявших возле него.

– Это не мои, – сказал Честер и направился к КоLETTE и Райделу. С моря дул сильный ветер. Солнце слепило, но не грело. – Что будем делать теперь? – Но, увидев, что Райдел занят поисками их чемоданов и своего, поспешил ему на помощь.

– Пусть эта толпа немного рассеется, – сказал молодой человек. – Потом возьмем такси. Думаю, надо поискать что-нибудь подходящее на побережье.

Толпа таяла. Такси отъезжали, увозя пассажиров и их багаж. Удачливые посыльные, сгибаясь под тяжестью чемоданов, уводили за собой их владельцев.

– Выбрали какую-нибудь гостиницу? – спросил Честер.

Райдел поднял голову и посмотрел в сторону моря. Его бледный, резко очерченный профиль, с сигаретой во рту, выделялся на фоне синего неба.

– Вся проблема в том, что из-за отсутствия паспортов мы не можем остановиться в гостинице, – произнес он негромко и бросил взгляд на Колетту.

– Замечательно! – всплеснула она руками. – Мы будем гулять весь день! И всю ночь! – добавила она с энтузиазмом.

Райдел покачал головой. Он задумчиво посмотрел в сторону порта, затем оглядел улицу, вдоль которой тянулись кремовато-розовые фасады трех- и четырехэтажных домов. Какой-то человек, обутый в высокие ботинки, вел осла, навьюченного мешками, в которых сидели козлята. Они глядели вокруг себя чистыми, невинными глазами, совсем как малыши на спинах индианок.

– Какая прелесть! – воскликнула Колетта и направилась, чтобы посмотреть на них поближе.

– Колетта! – Райдел поднял руку. – У вас еще будет время. – Он повернулся к Честеру. – У меня здесь нет знакомых, у которых мы могли бы остановиться. Нам предстоит бессонная ночь, так что постарайтесь беречь силы. А сейчас нужно пристроить куда-нибудь чемоданы.

– Вы не хотите воспользоваться преимуществом своего положения? У вас ведь есть паспорт. Вы можете остановиться в любой гостинице.

– Да, – проговорил Райдел рассеянно. – Возможно, нам удастся пристроить чемоданы в каком-нибудь ресторане на побережье.

На противоположной стороне улицы была припаркована машина – единственное оставшееся без клиентов такси. Водитель явно ждал их. Райдел пересек улицу и переговорил с ним.

Они сели в такси, разместив чемоданы на крыше, в ногах и на коленях. Поездка оказалось короткой. Они проехали в сторону моря, повернули налево, и через несколько ярдов Райдел остановил машину возле ресторанчика, над дверью которого висела вывеска в виде контура рыбы. Спустя какое-то время он вернулся и объявил, что хозяин согласился оставить их чемоданы у себя.

– Думаю, нам следует здесь перекусить и что-нибудь выпить.

Они пробыли в ресторанчике более двух часов. Выпили узо, к которому подали салат из редиса, хрена и лука. Затем поели жареной рыбы с сыроватым картофелем и распили пару бутылок крепкого белого вина. Хозяин ресторанчика, получив от них щедрые чаевые, не возражал, чтобы они оставили свои чемоданы на всю ночь. Райдел объяснил ему, что они, мол, опоздали на самолет в Афины и теперь им придется возвращаться в город. Переночуют они у своего знакомого, у которого останавливались перед этим, но не хотят обременять его переносом чемоданов обратно в дом. Они заберут их завтра днем, около часу, по пути в аэропорт. Райдел предложил Честеру взять лишь спортивную сумку. Выйдя из ресторанчика, они вернулись на центральную улицу, где их высадил автобус.

Ираклионский Музей античности был открыт. Они провели в нем больше часа, осматривая скульптуры, амфоры и украшения. Когда Колетта ушла в туалет «попудрить нос», Райдел пересказал Честеру то, что слышал утром по радио:

– Смерть Георга Папанополоса произошла в результате пролома черепа. Сообщение было очень коротким. Вашего имени не упоминали. Объявили лишь название гостиницы и сколько времени он был мертв: около двенадцати часов.

Честера прошиб холодный пот. Теперь случившееся попало в сводки новостей. Тысячи людей слышали это сообщение по радио.

– Наверное, об этом будет напечатано в сегодняшних газетах?

– Да, в афинских, – согласился Райдел. – Думаю, их привозят сюда на пароме с опозданием на сутки. А впрочем, это могут напечатать уже сегодня. Наверняка здесь выходит хотя бы одна вечерняя газета. И ваше имя будет упомянуто. Я имею в виду фамилию Макфарланд.

Честер поежился. Теперь фамилию Макфарланд придется забыть. Он боялся этого с той минуты, когда подал заявление на получение заграничного паспорта. Почему он не воспользовался фальшивым свидетельством о рождении? Честер Макфарланд. Это его настоящее имя. И это самое ужасное.

– Кроме того, на Крите есть радио, – продолжал Райдел. – Возможно, в выпуске новостей уже прошла дополнительная информация с описанием ваших примет.

– Да, но... – Честера охватил новый приступ страха. – Фотография, которая была у агента, старая. На ней я без усов и у меня худое лицо. Может, мне следует их сбрить?

Райдел прищурился:

– Ваша жена возвращается. Полиция наверняка попросит персонал гостиницы описать вашу внешность. Не сбривайте усов. Лучше отпустите бороду. Это изменит вас больше.

Они зашли в дешевое кафе напротив музея и выпили чаю с пирожными, подкрепив силы перед прогулкой на мол, откуда хотели посмотреть на закат. Однако у воды оказалось слишком прохладно, и они продрогли. Кроме того, КоLETTE было тяжело ступать на высоких каблуках по гальке, устлавшей мол. Они заглянули в ресторан гостиницы «Астир», чтобы выпить и согреться. Бара в нем не оказалось, и им пришлось заказать себе коктейли в общем зале. Они были одни. Пустые, застланные белыми скатертями столики расходились вокруг, теряясь в неосвещенных углах зала. Честер чувствовал себя разбитым. Последнюю ночь он плохо спал. Он выпил на два бокала больше, чем Райдел и КоLETTE. Их разговор раздражал его. Скучная, пустая болтовня. Его жена рассказывала о Луизиане, о своей учебе в пансионе, о поездках домой в Виргинию два раза в год, о вечеринках на каникулах и о попытках в течение трех лет организовать в Байлокси драматический кружок, которые всякий раз разбивались о всеобщее безразличие. Райдел посочувствовал КоLETTE. Он ответил на ее вопросы о Массачусетсе, сказал, что учился в Йеле, но, как заметил Честер, был скуп на подробности. Затем, извинившись и сказав, что хочет поискать вечернюю газету, ушел.

– Сомневаюсь, что смогу продержаться всю ночь, – сказал Честер.

– Дорогой, оставь виски. Выпей лучше кофе. Разве это не чудесно: не смыкать глаз всю ночь, нашу первую ночь на Крите?

Честер поскреб подбородок. Щетина издала скрежещущий звук. Следует ли ему отпустить бороду? Будет ли от этого прок? А как же фотография в паспорте? Дельный ли совет дал Райдел?

– Думаю, мне не помешает еще глоток виски.

– Ах, дорогой, – укоризненно покачала головой Колетта.

– Не хочешь, чтобы я заказывал? Ну что ж, у меня с собой фляга. И проще, и дешевле, – добавил он язвительно и даже не воспользовался своим пустым бокалом.

Райдел вернулся с газетой. Честер хотел было попросить ее, но увидел, что газета на греческом. Райдел сел, отыскал на первой полосе заметку, оглянулся через плечо – он сидел спиной к залу – и начал читать вслух:

– «Сегодня утром в... кладовой гостиницы „Кингз-палас“ найдено тело детектива национальной полиции Георга Папанополоса, тридцати двух лет. Убитого обнаружила уборщица Стефания Гричос, двадцати трех лет. Согласно заключению экспертизы, смерть наступила вследствие раздробления черепной коробки. Как предполагают, убийство совершено Честером Критоном Макфарландом, сорока двух лет, американским гражданином, разыскиваемым за махинации... махинации с ценными бумагами, – поправился Райдел, – поиски которого и привели детектива в гостиницу. Макфарланд и его жена Элизабет... – он посмотрел на Колетту, она нервно кивнула, – занимали номер на том же этаже, где было найдено тело Папанополоса. Обнаружены следы крови в ванной комнате и на ковре в номере, в котором останавливались Макфарланды, а также в коридоре на ковровой дорожке, ведущей к кладовой. – Райдел сделал паузу и отпил воды, даже не взглянув на Честера и Колетту, жадно ловивших каждое его слово. – Макфарланды покинули гостиницу вчера вечером в начале восьмого, – продолжал Райдел тихим бесстрастным голосом, – заявив одному из служащих гостиницы, что отправляются ночным поездом в Италию. Проведенная проверка поездов, автобусов и самолетов ничего не дала...» – Райдел замолчал и посмотрел сначала на Честера, потом на Колетту.

Она молча сидела в напряженной позе, положив руки на стол, и нервно ковыряла под ногтем большого пальца. Бросив взгляд на жену, Честер прочел в ее глазах испуг и, как ему показалось, укор.

- Это не все, - добавил Райдел. - «Полиция полагает, что Макфарланды не покидали Греции и, возможно, уже сменили фамилию. Георг Папанополос оставил после себя...» И так далее.

Колетта посмотрела на Райдела:

- Продолжайте. «Оставил после себя...»

Молодой человек кашлянул и прочитал:

- «...жену Лидию, тридцати пяти лет, сына Георга, пятнадцати лет, дочь Дорию, двенадцати лет, двух братьев, Филиппа и Кристофера Папанополосов, оба живут в Ламии, и сестру Евгению Милос, проживает в Афинах».

Райдел отложил газету. Честер встретил его взгляд и почувствовал неловкость. Он выпрямился на стуле.

- Не все так плохо, - сказал Райдел. - Здесь ничего не сказано о том, что вас могут искать на Крите, и не дано описание вашей внешности. Это лучшее, что может быть при данных обстоятельствах.

- Но ведь он мертв. - Колетта потерла лоб кончиками пальцев.

Честер плеснул себе немного виски, затем опрокинул фляжку и вылил все. Ему хотелось поднять испортившееся настроение, даже если он захмелеет. Почему бы и нет? Не собирается же он всю ночь напролет изводиться из-за этой чертовой истории, не имея возможности даже хоть чуточку вздремнуть.

- Если все так хорошо, давайте за это выпьем.

Райдел вначале отказался, но затем передумал и кивнул.

Одиннадцать часов застали их в большом, похожем на амбар ресторане, стоявшем на берегу у самой воды. Судя по всему, это был также и ночной клуб. Честер силился вспомнить, как здесь оказался. Несколькими часами раньше они, кажется, где-то ужинали. Впрочем, он не был уверен. Колетта танцевала с Райделом на крохотной танцплощадке. Располагалась она далеко, едва ли не в полумиле от столика, за которым сидел Честер, однако оркестр играл столь громко, что у него раскалывалась голова. Он угрюмо покосился на соседний столик, широкий, круглый, за которым восседало целое семейство греков. Отец, мать, бабушка и дети. У детей были кукольные личики. Несколько минут спустя на обратном пути из грязного туалета Честер подошел, пошатываясь, к их столику и потрепал за подбородок одну из девчушек. Ответом ему был холодный, непонимающий взгляд. Честер вспомнил, что он в Греции, а не в Америке, в какой-нибудь пиццерии в Манхэттене на Третьей авеню. Малышка не поняла ни слова из того, что он ей сказал, а ее родители смотрели на него с подозрением, возможно решив, будто Честер сказал ей что-нибудь неприличное. Он снова уснул.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Да-да-да. Канал, синьор (ит.).

Купити: <https://tellnovel.com/patriciya-haysmit/dva-lika-yanvary-a-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)